

## Отзѣвы о Павлѣ I его современниковъ

*Проф. П. Н. Буцинскаго.*

„Sans la mort du tzar l'Angleterre  
était perdue!“.

*Napoléon.*

Въ настоящемъ году исполнится столѣтіе со дня кончины Павла I-го, послѣдовавшей въ ночь съ 11 на 12 Марта 1801 г.,— кончины, какъ всѣмъ извѣстно, насильственной. „Это страшное событіе, по словамъ Наполеона I-го, поразило ужасомъ всю Европу, и что особенно приводило ее въ негодованіе,—это дерзкая откровенность, съ которою русскіе давали о немъ подробности при всѣхъ дворахъ. Оно измѣнило положеніе Англіи и дѣль всего міра...“ Еще не зная о причинѣ неожиданной смерти русскаго императора, Наполеонъ воскликнулъ: „эта смерть не естественна, ударъ послѣдовалъ изъ Англіи“. Въ тоже время въ Монитерѣ появилась слѣдующая замѣтка, несомнѣнно внушенная первымъ консуломъ: „Павелъ I-й умеръ въ ночь съ 23 на 24 Марта (н. ст.); англійская эскадра прошла Зундъ 30-го. Исторія объяснить намъ связь, которая можетъ существовать между этими двумя событіями“.

Намекъ понятенъ; особенно, если взять во вниманіе, что французы тогда открыто приписывали это преступленіе англійскому кабинету. Насъ, людей 20-го вѣка, отдѣляетъ отъ упомянутаго событія уже цѣлое столѣтіе и все-таки мы должны признать, что исторія до сего времени не установила связи между событіями, о которыхъ сто лѣтъ тому назадъ упомянулъ Монитеръ. Да, кажется, и не было еерьезной попытки къ тому со стороны историковъ; по крайней мѣрѣ это будетъ вполне справедливо относительно историковъ русскихъ.

Можно даже сказать, что вообще наши историки мало удѣлили своего вниманія эпохѣ императора Павла; Рюрику, Синеусу и Трувору, или какому-нибудь Грѣшкѣ Отрепьеву оказано съ ихъ стороны гораздо больше чести. Вотъ почему, такъ называемая, большая публика знаетъ несравненно болѣе сплетень, сказокъ и

анекдотовъ о Павлѣ, чѣмъ историческихъ фактовъ, относящихся до характеристики личности и государственной дѣятельности этого императора.

Замѣчательна судьба Павла Петровича! По свидѣтельству современниковъ, его родная мать была для него скорѣе мачихою, а судьба въ отношеніи Павла была даже злѣе самой злой мачихи. И въ самомъ дѣлѣ: \*) сплетни преслѣдуютъ Павла съ самаго момента его рожденія и до смерти и даже послѣ смерти...

Вспомните только, сколько небылицъ повыдумали и распространили о Павлѣ заговорщики, чтобы оправдать свое злодѣйство въ общественномъ мнѣніи?! То говорили, что императоръ намѣренъ былъ императрицу и своего старшаго сына заключить въ крѣпость, а наслѣдникомъ Русскаго престола провозгласить Евгенія Виртенбергскаго; говорили, что Павелъ за ничтожную ошибку на ученіи сослалъ цѣлыя полки въ Сибирь, что онъ вызывалъ на дуэль всѣхъ монарховъ Европы и проч. и проч.; всѣхъ такихъ небылицъ и не перечесть. Наконецъ дошли до того, что Павла объявили сумашедшимъ... и это въ то время, когда онъ былъ занятъ величайшимъ политическимъ планомъ, который осуществленъ отчасти только въ концѣ 19 вѣка. А между тѣмъ по отзывамъ безпристрастныхъ современниковъ какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ, Павелъ Петровичъ—этотъ царь демократъ—былъ человекомъ рѣдкимъ въ нравственномъ отношеніи, глубокорелигіознымъ, прекраснымъ семьяниномъ, съ недюжиннымъ умомъ, феноменальною памятью, высоко образованнымъ, энергичнымъ и трудолюбивымъ и наконецъ мудрымъ правителемъ государства, какъ въ дѣлахъ внѣшней политики, такъ и внутренней.

Мы вовсе не намѣрены передать здѣсь всѣ извѣстные намъ отзывы современниковъ о Павлѣ; для этого мы не располагаемъ ни временемъ, ни мѣстомъ. Мы дѣлаемъ выборъ и передаемъ отзывы объ этой исторической личности только тѣхъ современниковъ, которые, во первыхъ, имѣли возможность близко знать Павла и, во вторыхъ, не имѣли, партійныхъ расчетовъ быть пристрастными. Наконецъ еще одно ограниченіе: мы будемъ приводить такіе отзывы о Павлѣ, которые относятся къ порѣ сравнительно полной его возмужалости въ физическомъ и нравственномъ отношеніи. Въ 1773 г. 7 октября Павлу Петровичу исполнилось ровно 19 лѣтъ, а нѣсколько дней ранѣе онъ вступилъ въ бракъ съ Натальей Алексѣвной.

---

\*) Напр. сплетни о происхожденіи Павла.

Воспитаніе Павла окончилось и Императрица Екатерина, объявляя объ этомъ воспитателю Панину, „сочла долгомъ изъяснить послѣднему свое признаніе и благодарность за всѣ приложенные имъ труды и попеченія о здоровіи и украшеніи тѣлесныхъ и душевныхъ его природныхъ дарованій, о коихъ, замѣтила Екатерина Алексѣевна, по нѣжности материнской любви и пристрастію, не мнѣ пригоже судить“. Теперь спрашивается, какъ же другіе въ это время судили о Павлѣ?

Прусскій посланникъ при Петербургскомъ дворѣ Сольмсъ такъ отзывался о немъ: „Въ него легко влюбиться любой дѣвицѣ. Хотя онъ невысокаго роста; но очень красивъ лицомъ; весьма правильно сложенъ; разговоръ и манеры его пріятны; онъ кротокъ, чрезвычайно учтивъ, предупредителенъ и веселаго нрава. Подъ этою прекрасною наружностію скрывается душа превосходнѣйшая, самая честная и возвышенная, и вмѣстѣ съ тѣмъ самая чистая и невинная, которая знаетъ зло только съ отталкивающей его стороны и вообще свѣдуща о дурномъ, лишь насколько это нужно, чтобы вооружиться рѣшимостью самому избѣгать его и не одобрять его въ другихъ. Однимъ словомъ невозможно довольно сказать въ похвалу великому князю; еслибъ я сказалъ еще что либо, то сталъ бы подозрѣвать себя въ низкомъ ласкательствѣ“.

Не менѣ лестные отзывы даютъ о Павлѣ Прусскій принцъ Генрихъ и Датскій посланникъ Ассбургъ. Но въ то же время нѣкоторые современники отмѣчаютъ и не симпатичныя черты Русскаго Великаго Князя: его недовѣрчивость, скрытность и подозрительность. И самъ Павелъ откровенно признавалъ въ себѣ эти недостатки.

„Дружба Ваша, писалъ онъ въ половинѣ 1773 г. своему другу А. Разумовскому, произвела во мнѣ чудо: я начинаю отрѣшаться отъ моей прежней подозрительности, но Вы ведете борьбу противъ десятилѣтней привычки и побораєте то, что боязливость и обычное стѣсненіе вкоренили во мнѣ. Теперь я поставилъ себѣ за правило жить, какъ можно согласнѣе со всѣми“.

Но жизненныя условія совсѣмъ неблагопріятствовали Павлу, чтобъ онъ могъ отрѣшиться отъ упомянутыхъ недостатковъ. Императрица уже давно смотрѣла на сына, какъ на своего соперника и принимала свои мѣры. Датскій посланникъ Сальдернъ говорилъ Сольмсу: „онъ не можетъ жить при такомъ дворѣ, гдѣ быть пріятнымъ Императрицѣ возможно только тогда, когда состоишь въ

дурныхъ отношеніяхъ къ Великому Князю, а находясь въ хорошихъ отношеніяхъ къ этому послѣднему, навлечешь подозрѣнія Императрицы“.

Въ половинѣ 1773 г. Сольмсъ писалъ Фридриху II, что Екатерина „стала недовѣрчива къ великому Князю вслѣдствіе успѣха его и увеличивающейся славы“. Французскій посолъ доносилъ своему правительству: „Императрица старается сдѣлать Павла Петровича недовѣрчивымъ и подозрительнымъ, дабы его уединить, будучи увѣрена, что самъ по себѣ онъ не былъ способенъ ни возстать противъ нея, ни оказать ей какое либо противодѣйствіе“. Опасенія Екатерины были совершенно неосновательны: по свидѣтельству современниковъ Павелъ всегда былъ почтительнымъ сыномъ и покорнымъ подданнымъ. Тѣмъ не менѣе Императрица, чтобы уединить сына и сдѣлать его недовѣрчивымъ къ людямъ, употребляла самыя ужасныя средства. Какъ извѣстно, Павелъ Петровичъ очень полюбилъ свою супругу и въ то же время питалъ искреннюю привязанность къ другу дома А. Разумовскому. Но эти лица жестоко обманывали Павла. Послѣ смерти Натальи Алексѣевны 1776 г. императрица, чтобы утѣшить сына въ горѣ, не нашла ничего лучшаго, какъ передать ему интимную переписку, бывшую между его покойной супругой и другомъ Разумовскимъ. Само собою понятно, какъ это открытіе должно было губительно подѣйствовать на характеръ Павла: кому же послѣ этого вѣрить?!

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Павелъ Петровичъ женился во второй разъ. Новая супруга великаго князя Марія Ѳеодоровна, какъ извѣстно, была образцемъ всякихъ добродѣтелей. Молодые супруги страстно полюбили другъ друга и не предвидѣли конца своему счастью. Въ концѣ 1776 г. Марія Ѳеодоровна такъ отзывалась о своемъ супругѣ въ письмѣ къ подругѣ дѣтства: „Великій Князь, очаровательнѣйшій изъ мужей. Я очень рада, что Вы его не знаете; вы не могли бы не полюбить его и я стала бы его ревновать. Дорогой мой мужъ, ангелъ; я люблю его до безумія.“

И русскіе и иностранцы даютъ самые восторженные отзывы о высоконравственной жизни молодой Великокняжеской Четы. „Нѣжность и любовь между Великимъ Княземъ и его супругою“ свидѣлствуетъ князь Ѳ. Н. Голицынъ „были совершены. Невозможно, кажется, пребывать въ сожитіи согласнѣе, какъ они долгое время пребывали. Мы не могли на столь счастливое супружество довольно нарадоваться, и сіе имѣло великое вліяніе надъ петербургскою публикою и усугубило во всѣхъ усердіе и любовь къ

ихъ будущему Государю“. Такое поведеніе молодыхъ супруговъ тѣмъ болѣе должно было бросаться въ глаза современникамъ, что „внутренняя жизнь стараго двора, писалъ въ началѣ 1778 года Англійскій посланникъ Гаррисъ, представляетъ зрѣлище распущенности и безпорядка, о которомъ невозможно и составить себѣ понятія: годы не укращаютъ страстей; онѣ съ лѣтами дѣлаются еще болѣе сильными и, всматриваясь ближе въ дѣло, я нахожу, что добрыя качества Екатерины были преувеличиваемы, а недостатки ея умаляемы“.

Упомянутый Голицынъ такъ отзывается о Павлѣ: „Великій Князь имѣлъ весьма острый и пылкій умъ съ хорошею памятью; сердце его было чувствительное, но въ первомъ движеніи онъ очень былъ горячъ. Императрица не всегда обходилась съ нимъ, какъ бы должно было и онъ никакъ въ дѣлахъ не соучаствовалъ. Она вела ого не такъ, какъ наслѣдника... прискорбно было всѣмъ видѣть сіе неискреннее обхожденіе и не малѣйшей горячности и любви между сими Августѣйшими особами. Великій же Князь къ родительницѣ своей всегда былъ почтителенъ и послушенъ“.

Тоже подтверждаетъ и Французскій посланникъ Сабатье де-Кабръ въ своемъ донесеніи въ 1779 г.

„Императрица, которая жертвуетъ для приличія всѣмъ остальнымъ, не соблюдаетъ никакого въ отношеніи къ сыну. Для него у нея всегда видъ и тонъ Государыни и она часто прибавляетъ къ этому сухость и обидное невниманіе, которыя возмущаютъ молодого Великаго Князя. Она никогда не относилась къ нему, какъ мать; передъ нею онъ всегда почтительный и покорный сынъ...“

Тотъ же посланникъ дѣлаетъ такую характеристику Павла: „Онъ выражается любезно и свободно и старается правиться всѣмъ приближеннымъ своимъ вниманіемъ, вѣжливостью и обязательностію разговора...“ Но особеннаго вниманія заслуживаютъ отзывы о Павлѣ, относящіеся ко времени его путешествія по западной Европѣ подъ именемъ графа Сѣвернаго.

Какъ извѣстно Великій Князь вмѣстѣ съ своею супругою выѣхали за границу 19 Сентября 1781 г. и возвратились оттуда въ Петербургъ 20 Ноября слѣдующаго года. Высокіе путешественники обращали на себя исключительное вниманіе вездѣ, гдѣ появлялись и это очень естественно: вѣдь послѣ Петра Великаго никто изъ особъ царствующаго дома въ Россіи не показывался въ западной Европѣ. Многіе европейцы хорошо знали какое значеніе для Россіи имѣло путешествіе этого монарха, какъ оно отразилось на

его царственной дѣятельности и къ какимъ результатамъ привела эта дѣятельность: прежняя замкнутая „Московія“ превратилась въ Россійскую Имперію, въ Европейскую державу. Во второй половинѣ 18 вѣка имперія Петра Великаго стала уже самымъ могущественнымъ государствомъ во всей Европѣ и обращала на себя особенное вниманіе всѣхъ европейцевъ. Теперь наслѣдникъ этой монархіи, будущій самодержавный государь путешествуетъ по западной Европѣ и потому естественно было европейцамъ стараться поближе познакомиться съ нимъ, составить о немъ истинное мнѣніе и узнать о цѣляхъ его путешествія.

Вотъ почему приводимые ниже отзывы о Павлѣ являются особенно надежнымъ матеріаломъ для характеристики его личности. Къ тому же, Павелъ Петровичъ чувствовалъ себя вдали отъ Петербурга гораздо свободнѣе, и по своей прямоствѣ могъ вполне раскрыть свой характеръ, показать свои способности и пріобрѣтенныя познанія въ разныхъ предметахъ.

Въ Вѣнѣ въ гостяхъ у Императора Іосифа II графъ и графиня Сѣверные провели шесть недель—время достаточное, чтобъ этотъ просвѣщенный монархъ могъ хорошо узнать своихъ высокихъ гостей. Въ своемъ интимномъ письмѣ къ брату, Герцогу Леопольду Тосканскому, Іосифъ II такъ отзывался о русскихъ путешественникахъ: „Великій Князь и Великая Княгиня соединяютъ съ несовсѣмъ обыкновенными талантами и съ довольно обширными познаніями, желаніе обозрѣвать и поучаться и въ тоже время имѣть успѣхъ и нравиться всей Европѣ. Такъ какъ можно рассчитывать на ихъ скромность и честность, то ничѣмъ нельзя болѣе обязать ихъ, какъ доставляя имъ возможность осматривать все безъ подготовки и безъ прикрасъ, говорить съ ними съ полною откровенностію, не скрывать отъ нихъ недостатковъ, которые и безъ того не ускользнули бы отъ ихъ проницательности и обращать ихъ вниманіе на добрыя намѣренія, которыми вы воодушевлены, хотя бы они еще и не выразились фактически.

Такъ какъ они, не столько по характеру, сколько по обстоятельствамъ, нѣсколько педовѣрчивы, то нужно заботливо избѣгать всего, что могло бы имѣть видъ уловки, или играть передъ ними комедію...“.

„Ихъ весьма интересуютъ всѣ предметы, дѣйствительно замѣчательные по ихъ древности, рѣдкости въ природѣ, размѣру или богатству сооруженія; по этому не слѣдуетъ утомлять ихъ обозрѣніемъ нѣсколькихъ предметовъ въ одинъ день, но предоставить

возможность осмотрѣть въ подробности все наиболѣе любопытное и замѣчательное,“

„Они съ интересомъ изучаютъ общественныя учрежденія, какъ благотворительныя, такъ и учебныя, и какъ притомъ желаютъ обратить на пользу все, что обозрѣваютъ, то не только не слѣдуетъ отказывать имъ въ сообщеніи письменныхъ свѣдѣній, со всею подробностію и точностію, которую они могутъ потребовать, но напротивъ того, предлагать имъ эти свѣдѣнія потому, что и безъ того всѣ эти учрежденія устроены не для того, чтобы оставаться въ тайнѣ, а подобныя знаки довѣрія и предупредительности очень имъ понравятся, доказывая желаніе ваше содѣйствовать полезности и пріятству ихъ путешествія“.

„Знакомство съ лицами наиболѣе просвѣщенными и извѣстными, составляетъ главный предметъ ихъ любознательности и какъ въ тоже время они желаютъ видѣть избранное и притомъ немногочисленное общество и пользоваться имъ, необходимо устроить соответственно этому обѣды и бесѣды, среди которыхъ ихъ Высочества будутъ имѣть удовольствіе познакомиться со всѣми, которые выдвигаются изъ ряду не только по рожденію, но и по уму и по знаніямъ. Въ тоже время ихъ Высочества будутъ имѣть случай выказаться разговорами, любезностію и образованностію предъ лицами, наиболѣе способными судить объ этомъ и которые, воздавъ имъ справедливость привлекутъ на ихъ сторону общественное мнѣніе“.

„Хорошая музыка и хорошій спектакль доставляетъ имъ, кажется, удовольствіе. Военное и морское дѣло, конечно, составляютъ одинъ изъ любимыхъ предметовъ ихъ занятій, точно такъ же, какъ и торговля, промышленность и мануфактуры. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ предоставить имъ всѣ удобства и облегченія, которыя они пожелаютъ имѣть“.

Великій Герцогъ-Леопольдъ, познакомившись съ графомъ и графиней Сѣверными во время ихъ пребыванія во Флоренціи, даетъ слѣдующую характеристику своихъ гостей въ письмѣ къ Іосифу II.

„Я не могу не нахвалиться откровенностію, дружбою и довѣріемъ, которыя оказали мнѣ какъ графъ, такъ и графиня Сѣверные... Графъ Сѣверный, кромѣ большого ума, дарованій и разсудительности, обладаетъ талантомъ вѣрно постигать идеи и предметы и быстро обнимать всѣ ихъ стороны и обстоятельства. Изъ всѣхъ его рѣчей видно, что онъ исполненъ желаніемъ добра. Мнѣ кажется,

что съ нимъ слѣдуетъ поступать откровенно, прямо и честно, чтобы не сдѣлать его недовѣрчивымъ и подозрительнымъ. Я думаю, что онъ будетъ очень дѣятеленъ; въ его образѣ мыслей видна энергія. Мнѣ онъ кажется очень твердымъ и рѣшительнымъ когда остановится на чемъ нибудь и конечно, онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые позволили бы кому бы то ни было управлять собою. Вообще онъ, кажется, не особенно жалуется иностранцевъ и будетъ строгъ, склоненъ къ порядку, безусловной дисциплинѣ, соблюденію установленныхъ правилъ и точности. Въ разговорахъ своихъ онъ ни разу и не въ чемъ не касался своего положенія и Императрицы, но ни скрылъ отъ меня, что не одобряетъ всѣхъ обширныхъ проектовъ и нововведеній въ Россіи, которые въ дѣйствительности въ послѣдствіи оказываются имѣющими болѣе пышности и названія, чѣмъ истинной прочности. Только упоминая о планахъ Императрицы относительно увеличенія русскихъ владѣній на счетъ Турціи и основанія имперіи въ Константинополѣ, онъ не скрылъ отъ меня своего неодобренія этому проекту и вообще всякому плану увеличенія монархіи, уже и безъ того очень обширной и требующей заботы о внутреннихъ дѣлахъ. По его мнѣнію слѣдуетъ оставить въ сторонѣ всѣ эти бесполезныя мечты о завоеваніяхъ, которыя служатъ лишь къ приобрѣтенію славы, не доставляя дѣйствительныхъ выгодъ, а напротивъ, ослабляя еще болѣе государство. Я убѣжденъ, что въ этомъ отношеніи онъ говорилъ со мною искренно“.

Да, несомнѣнно, Павелъ говорилъ искренно— это доказываетъ вся его царственная дѣятельность! Если взять во вниманіе „разсужденіе“ о государствѣ, написанное Павломъ Петровичемъ въ 1774 г. и откровенныя бесѣды его съ Герцогомъ Тосканскимъ въ 1782 г. о томъ же предметѣ, то мы ясно увидимъ, что Павелъ довольно рано составилъ себѣ программу государственной дѣятельности, а сдѣлавшись Императоромъ буквально выполнялъ ее.

По этому общая характеристика будущей дѣятельности Павла, данная Леопольдомъ въ письмѣ къ брату, настолько вѣрна, что историкъ не можетъ не поражаться ея правдивостью, хотя она и дана за четырнадцать лѣтъ до начала царствованія этого императора; словно Леопольдъ обладалъ даромъ предвидѣнія.

Въ началѣ Мая Графъ и Графиня Сѣверныя прибыли въ Парижъ. Здѣсь ихъ уже давно ожидали съ нетерпѣніемъ, какъ королевскій дворъ, такъ и парижане и это нетерпѣніе понятно: молва о недюжинныхъ талантахъ, объ обширныхъ познаніяхъ въ

наукахъ и искусствахъ, высокихъ путешественниковъ, ихъ любезности и обворожительномъ обращеніи дошло до Парижа и создала здѣсь нѣкоторое предубѣжденіе въ пользу ожидаемыхъ гостей.

Парижане не обманулись. Никѣмъ не цѣнятся такъ находчивость и остроуміе, какъ французами, а нѣсколько удачныхъ замѣчаній, сдѣланныхъ Павломъ создали ему славу остроумнѣйшаго человѣка. Для иллюстраціи этого приведемъ здѣсь нѣкоторые факты, передаваемые однимъ современникомъ Башомономъ. „Во время параднаго бала, когда толпа была такъ велика, что хлынула въ сторону Короля, Его Величество (Людвикъ XVI) сказалъ: „однако насъ начинаютъ тѣснить“. При этихъ словахъ окружившіе короля отступили въ сторону и Графъ Сѣверный также, говоря: „извините в. в., я въ эту минуту считалъ себя за одного изъ Вашихъ подданныхъ, и подобно имъ находилъ, что чѣмъ ближе къ Вамъ, тѣмъ лучше“. Король протянулъ ему руку и поставилъ его возлѣ себя“.

Однажды Павелъ Петровичъ посѣтилъ графа д'Артуа, который собирался въ испанскую армію, чтобы принять участіе въ осадѣ Гибралтара.

Гость засталъ хозяина въ ту минуту, когда послѣдній разсматривалъ шпаги новаго фасона. Графъ д'Артуа воспользовался этимъ случаемъ и поднесъ въ подарокъ Высокому Гостю только что выбранную имъ для себя шпагу. „Позвольте мнѣ не принимать ее, сказалъ Павелъ, а дать въ залогъ ту, которою Вы завоюете Гибралтар“.

„Графъ Сѣверный, который не пропускаетъ ни одного замѣчательнаго памятника, навѣстилъ въ Сорбонѣ могилу извѣстнаго кардинала Ришелье.

Ученый, сопровождавшій графа при обзорѣ церкви, напомнилъ ему у этой гробницы замѣчательныя слова нѣкогда сказанныя тутъ царемъ Петромъ I: „Великій человѣкъ! воскликнулъ онъ; „какъ жаль, что тебя нѣтъ въ живыхъ! Я отдалъ бы тебѣ половину моего царства, только бы ты научилъ меня, какъ управлять другого!“, на что молодой Великій Князь живо возразилъ: ахъ, сударь, да потомъ онъ же отнялъ бы у Васъ и эту“.

„При посѣщеніи госпиталей, Великій Князь такъ выразился, въ отвѣтъ на попытки не допускать его до посѣщенія такихъ жилищъ, которыхъ Высокопоставленныя лица столь тщательно сами избѣгаютъ. „Чѣмъ болѣе Государи удалены отъ зрѣлища людскихъ золъ, тѣмъ болѣе должны они приближаться къ нимъ, чтобъ быть въ состояніи помогать несчастнымъ“.

На неприличное замѣчаніе кого то изъ толпы, что русскій Князь не отличается красотою, Павелъ сказалъ: „если французы любезны, то ихъ нельзя упрекнуть и въ недостаткѣ откровенности“.

Преждевременный слухъ о некрасивой наружности графа, замѣчаетъ Башомонъ: послужилъ ему въ пользу; его нашли далеко не столь дурнымъ, какъ было разгласили. Впрочемъ все некрасивое сглаживается выраженіемъ доброты на царскомъ лицѣ; графиня же положительно всѣмъ понравилась.

„Вообще, говоритъ тотъ же современникъ, блистала Великая Княгиня, которую находили прелестною и ангельски-доброю. Августѣйшій супругъ ея отличался сдержанностію, но все, что онъ говорилъ, было весьма основательно“. Однако другіе современники находили, что сдержанность не въ натурѣ Павла; Сальдернъ замѣчаетъ, что Великій Князь имѣетъ горячую голову. Королевъ Маріи Антуанетъ Графъ Сѣверный такъ же показался человѣкомъ пылкимъ и стремительнымъ. И въ доказательство приводится слѣдующій случай. На вопросъ короля, правда ли, что въ его свитѣ нѣтъ никого, на кого онъ могъ бы положиться, Великій Князь отвѣтилъ: „ахъ, мнѣ было бы очень прискорбно, если бы возлѣ меня находился самый маленькій пудель, ко мнѣ привязанный: мать моя велѣла бы бросить его въ воду прежде, чѣмъ мы оставили бы Парижъ“.

Французскіе Король и Королева были очарованы своими гостями и всячески старались сдѣлать ихъ пребываніе въ Парижѣ пріятнымъ: въ честь ихъ устраивались блестящіе балы при дворѣ, народные спектакли въ театрахъ и другого рода развлеченія. „И знаменитые гости, свидѣтельствуешь Башомонъ, восхищались публику своимъ любезнымъ и непринужденнымъ обхожденіемъ, такъ что многіе изъ нашей знати казались неловкими въ сравненіи съ ними“.

Еще въ 1773 г. Пруссскій посолъ въ письмѣ къ Фридриху II отмѣтилъ, что „молодой Князь прекрасно воспитанъ...“ теперь баронъ Гриммъ, слѣдя за поведеніемъ Павла Петровича въ Парижѣ, такъ выразился въ одномъ письмѣ къ Екатеринѣ: „находятъ, что Графъ Сѣверный воспитанъ лучше, чѣмъ наши принцы“.

„Не одни праздники останавливали на себѣ вниманіе Высокихъ путешественниковъ, говоритъ Кабеко въ своемъ прекраснѣйшемъ трудѣ“ „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ.“

Академіи, музеи, библіотека, благотворительныя заведенія, больницы, ничто полезное и поучительное не было оставлено ими

безъ осмотра и подробнаго и тщательнаго изученія. Ученые, писатели, художники были постоянно членами ихъ общества.“

А баронъ Гримъ свидѣтельствуешь, что гдѣ бы не появлялись Графъ и Графиня Сѣверные они вездѣ имѣли особенный успѣхъ.

Башомонъ въ своихъ запискахъ, упомянувъ о томъ, что Графъ и Графиня Сѣверные уѣзжаютъ изъ Парижа, оставляя въ Парижанахъ дорогую память о себѣ, дѣлаетъ слѣдующую общую характеристику Павла Петровича. „Графъ возбудилъ живѣйшее участіе въ каждомъ, кто только имѣлъ счастье приблизиться къ нему и говорить съ нимъ. Онъ милостивъ, предупредителенъ съ достоинствомъ, по качествамъ своимъ онъ обнаруживаетъ самый счастливый характеръ, и нельзя было ему не успѣть въ странѣ, гдѣ прежде всего цѣнятся любезность. Онъ говоритъ мало, но рѣчь его всегда умѣстна, проста и все, что онъ скажетъ лѣстнаго, не отзывается чѣмъ нибудь придуманнымъ“.

„Позавчера, писалъ Гриммъ, Графъ и Графиня Сѣверные оставили Парижъ, но все таки продолжаютъ о нихъ говорить при дворѣ, въ городѣ, среди духовенства, въ магистратурѣ, въ академіяхъ, въ театрахъ, на гуляньяхъ... и говорятъ съ самою живою печалью и особеннымъ умиленіемъ“. Такъ было грустно разставаться Парижанамъ съ своими дорогими гостями! Баронъ Гриммъ такъ объясняетъ тайну успѣха Павла Петровича: „Въ Версали онъ имѣлъ видъ, что знаетъ французскій дворъ, какъ свой собственный. Въ мастерскихъ художниковъ Греза и Гудона онъ показывалъ такія свѣдѣнія въ искусствѣ, которыя могли дѣлать его одобреніе для нихъ болѣе цѣннымъ. Въ нашихъ лицахъ, академіяхъ своими похвалами и вопросами онъ доказалъ, что не было ни одного таланта и рода работъ, который бы не имѣлъ права его интересовать, и что онъ давно зналъ всѣхъ людей, просвѣщенность и добродѣтели которыхъ дѣлали честь ихъ вѣку и ихъ странѣ. Его бесѣда и всѣ слова, которыя остались въ памяти, обнаружили не только тонкій и образованный умъ, но и изящное пониманіе всѣхъ особенностей нашего языка“.

Въ Ноябрѣ 1782 г. Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна возвратились въ Петербургъ, а въ слѣдующемъ году они должны были поселиться въ Гатчинѣ, гдѣ и прожили до самой смерти Екатерины. Гатчинскій періодъ—самый тяжелый періодъ жизни Павла! Съ рожденіемъ Александра Павловича Императрица уже порѣшила въ своемъ умѣ устранить отъ престола сына и объа-

вить своимъ непосредственнымъ преемникомъ внука. вмѣстѣ съ тѣмъ ея отношенія къ Павлу становятся все болѣе и болѣе не только пренебрежительными, но даже враждебными.

„Фавориты, вельможи, говоритъ де-Сангленъ, чтобъ нравиться Екатеринѣ, или изъ подлости, боясь гнѣва ея, не оказывали ему должнаго уваженія, а когда царедворцы узнали, что императрица намѣрена перемѣнить и назначить преемникомъ престола Александра, тогда сколько нанесено ему оскорбленій!“

Особенно нагло и дерзко обращались съ наслѣдникомъ Русскаго престола фавориты, Потемкинъ и Зубовъ. Однажды на семейномъ обѣдѣ по поводу нѣкотораго спора Императрица обратилась къ Павлу Петровичу съ вопросомъ—съ чѣмъ онъ мнѣніемъ согласенъ. „Съ мнѣніемъ Платона Александровича“ отвѣтилъ Павелъ. „Развѣ я сказалъ какую нибудь глупость“ нагло отозвался фаворитъ Зубовъ.

Такіе не нормальныя отношенія къ Павлу Петровичу матери и ея царедворцевъ не могли не вліять губительно на его характеръ: недовѣрчивость и подозрительность къ людямъ все болѣе и болѣе въ немъ развивались. Изъ отзывовъ современниковъ о Павлѣ въ Гатчинскій періодъ его жизни приведемъ здѣсь слѣдующіе:

„Невозможно, говоритъ Растопчинъ, безъ содроганія и жалости видѣть все, что дѣлаетъ Великій Князь отецъ; онъ какъ будто изыскиваетъ всѣ средства внушить къ себѣ нелюбовь.

Онъ задался мыслею, что ему оказываютъ неуваженіе и хотятъ пренебрегать имъ. Исходя отсюда, онъ привязывается ко всему и наказываетъ безъ разбора...

По средамъ у него бываютъ маневры, и каждый день онъ присутствуетъ при разводѣ, а также при экзекуціяхъ, когда онѣ случаются.

Малѣйшее опозданіе, малѣйшее противорѣчіе выводятъ его изъ себя и онъ воспаляется гнѣвомъ.

Замѣчательно то, что онъ не сознаетъ своихъ ошибокъ и продолжаетъ сердиться на тѣхъ, кого обидѣлъ“.

Иной взглядъ на точность и взыскательность Павла высказываетъ другой современникъ Ѳ. Галицынъ. „Порядокъ, установленный у Великаго Князя, свидѣтельствуетъ онъ былъ въ такой уже точности, что все распредѣлено было по часамъ и онъ самъ тому служилъ примѣромъ. Если изволить приказать придти въ четыре часа по утру, чтобъ ѣхать верхомъ, то вѣрно, какъ скоро ударятъ часы, онъ уже готовъ и выйдетъ. Впрочемъ придворнымъ было пріятно“.

Г-жа Ржевская, жившая долгое время при Великокняжескомъ дворѣ, въ своихъ запискахъ пишетъ: „Великій Князь, не любя шумныхъ удовольствій, искалъ общества близкихъ ему людей и въ бесѣдѣ съ ними былъ откровененъ и довѣрчивъ. Я замѣчала въ немъ лишь хорошія свойства: чистоту намѣреній, прямоту, благородство души, великодушіе, весьма пріятный умъ и особенную способность убѣждать людей.

Когда онъ хотѣлъ правиться, нельзя было противиться его обаянію. Его некрасивая наружность и рѣзкіе манеры въ обществѣ становились непримѣтными въ дружескомъ кругу“.

Этимъ мы и заканчиваемъ отзывы современниковъ о цесаревичѣ Павлѣ. Какъ видитъ читатель, всѣ приведенные нами отзывы въ высшей степени лестны и характеризуютъ Павла съ самой лучшей стороны. Но въ тоже время мы знаемъ, что какъ сама Императрица мать, такъ и ея царедворцы при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ старались представить Павла въ самомъ ужасномъ видѣ: его умъ находили ограниченнымъ, характеръ дерзкимъ и жестокимъ; они считали Павла совершенно неспособнымъ къ управленію Государствомъ и употребляли всѣ средства, чтобъ унизить его въ общественномъ мнѣніи. И для современниковъ и для историка вполне понятны причины такого отношенія Екатерины и ея сторонниковъ къ прирожденному наслѣднику Русской короны: задавшись цѣлью устранить послѣдняго отъ престола имъ необходимо было подготовить къ этому народъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оправдать себя въ своемъ дѣлѣ!

Скоропостижная смерть Екатерины Алексѣевны спасла Павла Петровича отъ грозившей ему жестокой участи и онъ спокойно возсѣлъ на престолъ предковъ. Какъ же отзывались современники объ Императорѣ Павлѣ и его Государственной дѣятельности? Отзывы эти довольно разнообразны и довольно противорѣчивы, противорѣчивы даже въ томъ случаѣ, когда они исходятъ отъ одного и того лица. Но чтобы читателю были понятны смыслъ и значеніе таковыхъ отзывовъ, необходимо предварительно упомянуть, что преемнику Екатерины II досталось слишкомъ тяжелое наслѣдіе: объ этомъ согласно говорятъ современники, какъ русскіе, такъ и иностранцы, близко стоявшіе къ государственнымъ дѣламъ и даже нѣкоторые ярые сторонники покойной Императрицы.

„Въ двадцать послѣднихъ лѣтъ предыдущаго царствованія, доносилъ своему правительству прусскій посланникъ въ Петербургѣ, генералъ Гребенъ—всевозможные части управленія приходятъ въ

упадокъ: правосудіе, финансы, военное дѣло, однимъ словомъ, всѣ отрасли управленія направлялись такъ, что за границей не возможно даже составить себѣ представленія объ этомъ. Первымъ печальнымъ послѣдствіемъ этого недостатка надзора явилось повсемѣстное нерадѣніе со стороны всѣхъ должностныхъ лицъ къ отправленію ихъ обязанностей. Обширныя и пространныя помѣщенія департаментовъ посѣщались лишь мышами и крысами. Чиновники, безъ всякаго исключенія, проводили дни въ ѣдѣ, попойкахъ и игрѣ, а ночи въ самыхъ грязныхъ оргіяхъ. Отсюда происходило взяточничество въ обширныхъ размѣрахъ, безнаказанно господствовавшее во всѣхъ отрасляхъ управленія, военнаго и гражданскаго; отсюда же происходили безчисленныя злоупотребленія, которыя, въ виду этой обстановки, нетрудно представить себѣ. Вотъ наименѣ преувеличенная картина Россіи въ моментъ восшествія на престолъ Павла I-го.

Картина состоянія Россійской Имперіи, нарисованная Гребеномъ, весьма мрачная, но исторически вполне вѣрная. Тоже самое свидѣтельствуютъ и другіе современники, какъ русскіе, такъ и иностранцы: Великій Князь Александръ Павловичъ, Безбородко, Растопчинъ, Ланжеронъ, Заводовскій, Воронцовы и пр. и пр.

Великій князь Александръ Павловичъ, любимецъ Екатерины и ея двора и котораго она считала идеаломъ честности и справедливости вотъ въ какомъ видѣ изображаетъ состояніе дѣлъ въ послѣдній годъ царствованія своей бабки:

„Въ нашихъ дѣлахъ, писалъ онъ Кочубею, господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ; грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду, а имперія, не смотря на то, стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ.“

Оно и понятно! „Послѣ меня хоть и трава не расти“ проговаривала иногда Екатерина Алексѣевна, замѣчаетъ князь Ѡ. Галицынъ; такъ что печальное состояніе Россіи предъ восшествіемъ на престолъ Павла Петровича было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого девиза. Къ тому же „Екатерина Алексѣевна, по замѣчанію одного современника, перестала царствовать: она только подписывала бумаги, подносимыя ей Потемкинымъ и Зубовымъ“. Но вѣдь Потемкинъ умеръ еще 1791 г.; а „съ тѣхъ поръ, безъ изыятія, писалъ С. Воронцову Заводовскій, Зубовъ управляетъ всѣми внутренними и внѣшними дѣлами“. Это тотъ самый Платонъ Зубовъ, котораго величали „дуралеюшкой“.

Правда, въ 25 лѣтъ онъ уже былъ княземъ и генералъ-фельдмаршаломъ Русской арміи, но эти награды нисколько не прибавили ему ума, знаній и государственной опытности. „Это кукла, говоритъ объ этомъ Зубовъ Растопчинъ, одѣтая въ мишуру; онъ не можетъ вдохнуть другого интереса, какъ только бюро, гдѣ находятся бѣлаги величайшей важности“. Еще болѣе рѣзко выражается объ этомъ всемогущемъ министрѣ Великій Князь Александръ Павловичъ: „я не желалъ бы имѣть у себя и лакеями, а между тѣмъ, они здѣсь занимаютъ высшія мѣста, какъ напримѣръ князь Зубовъ, Пассекъ, Барятинскій...“ Каковъ попъ, такой и приходъ, говоритъ мудрая русская пословица. Графъ Безбородко въ своихъ письмахъ къ С. Воронцову, рисуя самыми мрачными красками состояніе арміи, флота, финансовъ и управленія въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II, замѣчаетъ въ одномъ изъ нихъ: „Прибавьте къ сему хищенія почти разбойническія по многимъ частямъ, коихъ уже едва-ли кто въ нашъ вѣкъ и поправить можетъ...“

Но вотъ вступилъ на престолъ Павелъ, страстно любящій Россію, съ непреклоннымъ намѣреніемъ всецѣло посвятить себя на служеніе любезному отечеству и рѣшилъ „поправить“. Многомилліонная масса народа уже давно желала вручить бразды правленія Павлу, того же жаждали и тѣ изъ дворянства и чиновничества, которые способны были въ своихъ понятіяхъ возвыситься до общаго государственныхъ интересовъ. Но само собою понятно, что восшествіе на престолъ Императора было слишкомъ непріятно тѣмъ, кои, по словамъ Павла, „лучше любятъ видѣть на престолѣ юбку, нежели мундиръ.“ т. е. непріятно тѣмъ, которые привыкли къ беспорядочному женскому управленію. Павелъ Петровичъ вступилъ на престолъ съ готовою программою государственной дѣятельности и приводилъ ее въ исполненіе неуклонно, не щадя ни себя, ни военныхъ, ни гражданскихъ чиновъ; отъ всѣхъ онъ требовалъ дѣйствительной службы, а не поминальной, требовалъ знанія своихъ обязанностей и точнаго ихъ исполненія. Тенерь уже нельзя быть сенаторомъ и никогда не посѣщать сенатъ, или только изрѣдко заглядывать туда, да и то на самое короткое время \*); нельзя быть генераломъ, а заниматься только откупамъ и поставщицествомъ (свидѣтельство Суворова) и т. д.

\*) „Небреженіе господъ сенаторовъ, свид. совр. А. Т. Болотовъ, простиралось даже до невѣроятности и до того, что иные лѣтъ по пять сряду въ сенатъ не пріѣзжали и не заглядывали въ оный; а посему какова можно было ожидать успѣха?“ Въ царствованіи Екатерины В., по замѣчанію того же современника, составилось убѣжденіе „что нужно было только какому дѣлу понастѣя въ сенатъ, какъ и пошло оно на безконечныя вѣка...“

Современникъ Лубяновскій былъ пораженъ тою переměною, которую нашелъ въ Петербургѣ, по прїѣздѣ туда на третій день царствованія Павла. „Въ канцеляріяхъ, департаментахъ, въ коллегіяхъ вездѣ на столахъ свѣчи горѣли съ 5 ч. утра; съ той же поры въ вице-канцлерскомъ домѣ всѣ люстры и камни ярко пылали, сенаторы въ 8 ч. утра сидѣли за краснымъ столомъ“.

Причина такой усиленной дѣятельности учреждений понятна: по донесенію генералъ-прокурора въ сенатъ ко времени вступленія Павла на престолъ накопилось 11476 нерѣшенныхъ дѣлъ. Эта колоссальная цифра невольно заставляетъ повѣрить свидѣтельству генерала Гребена, что въ предыдущее царствованіе „обширныя и пространныя помѣщенія департаментовъ посѣщались лишь мышами и крысами.“

„Со вступленіемъ на престолъ Павла, говоритъ Е. О. Комаровскій въ своихъ запискахъ, образъ жизни нашъ офицерскій совершенно переměнился. При Императрицѣ мы думали только о томъ, чтобъ ѣздить въ театръ, въ общества, ходили во фракахъ, а теперь съ утра до вечера на полковомъ дворѣ и учили насъ какъ всѣхъ, какъ рекрутъ“.

Словомъ времена сибаритства прошли безвозвратно, какъ для гражданскихъ, такъ и для военныхъ чиновъ!.

„Все пышное Государственное зданіе Екатерины, говоритъ современникъ Де-Сангленъ въ своихъ запискахъ, было потрясено, когда съ мундировъ сорвали золото, потребовали трудолюбивой службы, унизили барство, словомъ сорвали съ глазъ мишуру; куда дѣвалось это рыцарство? И почти всѣ великіе сдѣлались знаменитыми ничтожествами...“

„Краткое царствованіе Павла I-го, продолжаетъ тотъ же современникъ и очевидецъ всего происшедшаго, замѣчательно тѣмъ, что сорвало маску со всего прежняго фантазмогорическаго міра, произвела на свѣтъ новыя идеи и новыя понятія... Съ величайшими познаніями, строгою справедливостью Павелъ былъ рыцаремъ временъ протекшихъ... Онъ научилъ насъ и народъ слишкомъ, что различіе сословій — ничтожно“.

Князь Кочубей къ нашему послу въ Лондонѣ С. Воронцову такъ отзывался о дѣятельности Павла: „я вполне раздѣляю Ваши чувства относительно прекрасныхъ дѣлъ, совершенныхъ нашимъ государемъ.“

Его ревность къ общественному благу несравненна! И Вы были бы удивлены его чудными реформами, еслибы Вы, подобно

мнѣ, имѣли возможность сравнить настоящее съ прошедшимъ...“  
Тому же Воронцову и въ томъ же 1797 г. писалъ Растопчинъ:  
„Надо надѣяться, что царствованіе нашего великаго государя за-  
ставитъ позабыть о несправедливостяхъ предыдущаго царствованія“.

Какъ извѣстно, Императоръ Павелъ, стремясь узнать всякаго  
рода злоупотребленія и желая „открыть всѣ пути и способы, чтобы  
гласъ слабаго угнетеннаго былъ услышанъ“, приказалъ поставить  
у воротъ дворца желѣзный ящикъ, куда просители могли опускать  
свои просьбы. Средство употреблено въ высшей степени смѣлое,  
но тѣмъ не менѣе, оно дало, по свидѣтельству современниковъ,  
благодѣтельные результаты.

„Первый любимецъ, говоритъ А. М. Тургеневъ, первый са-  
новникъ государя, знаменитый вельможа, царедворецъ и послѣдній  
ничтожный рабъ, житель отдаленной страны отъ столицы—равно  
страшились ящика. Лишеніе дворянства, чиновъ и сосланіе въ  
Сибирь въ каторжную работу генераловъ кн. Сибирскаго и Турча-  
нинова за взятки и сдѣлки ихъ съ поставщиками комиссаріата,  
о чемъ императоръ свѣдалъ чрезъ ящикъ, омертвили руки лихоим-  
ственныя. Генералы и полковники не отваживались удержать  
горсть муки у солдата изъ пайка, ему мѣсячно отпускаемаго, от-  
нять гарнецъ овса у казенной лошади; перестали грабить жителей,  
у которыхъ были постояльцами. Правосудіе и безкорыстіе въ первый  
разъ послѣ Петра I-го ступили чрезъ порогъ храмины, гдѣ творили  
судъ и расправу вѣрнопопаннымъ. Народъ былъ восхищенъ, былъ об-  
радованъ, и приказанія чтить благодѣяніемъ, съ неба посланнымъ.

„Въ продолженіи существованія ящика, невѣроятно, какое  
существовало правосудіе, во всѣхъ сословіяхъ правдолюбіе и право-  
мѣрность. Откупщикъ не смѣлъ вливать въ вино воду, купецъ—  
въ муку, соляной приставъ въ соль—присыпать песокъ. Вѣсъ и  
мѣра были вѣрныя. Дозволю себѣ смѣло и безбоязненно сказать,  
что въ первый годъ царствованія Павла I народъ блаженствовалъ,  
находилъ судъ и расправу безъ лихоимства, никто не осмѣливался  
грабить, угнетать его, всѣ власти предержащія страшились ящика“.

Когда Павелъ, во время своего путешествія по Россіи, былъ  
въ Казани, то и тамъ выставленъ ящикъ съ тою же цѣлію.

„Этимъ путемъ обнаружены, замѣчаетъ Саблуковъ, служившій  
при Павлѣ во все время его царствованія, вопіющія несправедли-  
вости и въ такихъ случаяхъ императоръ былъ непреклоненъ: ни-  
какія личныя или сословныя соображенія не могли избавить винов-  
наго отъ наказанія“.

„Записки Императ. Харьк. Универс.“, 1901 г.

„Расправа съ Княземъ Сибирскимъ (это генераль крингс-комисаръ) поразила весь чиновный міръ, но на массу народа произвела благоприятное впечатлѣніе“.

Павель обратилъ вниманіе на печальное состояніе государственныхъ финансовъ, привелъ въ порядокъ внѣшніе займы, сдѣланные въ царствованіе Екатерины и значительно поднялъ курсъ ассигнацій, упавшихъ было до 66 к. Все это сдѣлано безъ особеннаго отягощенія народа новыми налогами, благодаря бережливости и порядку въ расходахъ государственныхъ суммъ. „Государственные доходы, — говорилъ Павель въ своемъ наказѣ, — доходы государства, а не государя, и составляя богатство его, составляютъ цѣлость, знакъ и способъ благополучія земли“.

Имѣя такія понятія о государственной казнѣ, Павель самъ не пользовался ею и не позволялъ пользоваться другимъ. Какъ извѣстно, этотъ Императоръ велъ необычайно регулярную жизнь: вставалъ въ 5 ч. утра и ложился спать въ 10 ч. вечера, избѣгалъ шумныхъ удовольствій, не игралъ въ карты, не пилъ вина, не нюхалъ табаку и былъ бережливъ до скупости. М. С. Муханова въ своихъ запискахъ замѣчаетъ: „Государь любилъ показывать себя человѣкомъ бережливымъ на государственныя деньги для себя, онъ имѣлъ одну шинель для весны, осени и зимы. Ее подшивали то ватой, то мѣхомъ, смотря по температурѣ, въ самый день выѣзда“.

Нашъ лондонскій посоль С. Воронцовъ, узнавъ о заботахъ Павла, относящихся до улучшенія государственнаго хозяйства, замѣтилъ въ письмѣ къ Панину: „трудно этого достигнуть, когда въ продолженіи болѣе 20 лѣтъ каждый грабилъ государство“.

Русская армія, разстроенная до крайней степени въ послѣдніе годы Екатерины II, благодаря трудамъ Павла снова стала на подобающую ей высоту. Въ концѣ 1797 г. Растопчинъ въ письмѣ къ С. Воронцову свидѣтельствуетъ: „Нельзя себѣ представить, не видѣвши, чѣмъ сдѣлалась наша пѣхота въ теченіе одного года. Я видѣлъ ту, которая стояла столько трудовъ покойному прусскому королю, и увѣряю васъ, что она уступила бы нашей“.

Ланжеронъ, рисуя въ своихъ запискахъ самыми мрачными красками русскую Екатерининскую армію, въ прибавленіяхъ къ нимъ счелъ нужнымъ отмѣтить, что Императоръ Павель уничтожилъ многія злоупотребленія въ своей арміи, ввелъ порядокъ и дисциплину. Труды Павла по преобразованію русской арміи вполне были вознаграждены въ итальянскомъ походѣ 1799 г.

Нѣкоторые современники, а за ними и историки утверждаютъ, что будто-бы Павелъ въ послѣднее время своего царствованія измѣнился къ худшему, сдѣлался крайне недовѣрчивъ, несправедливъ, вспыльчивъ и своею жестокостію наводилъ ужасъ на всю Россію. „Съ исхода 1800 года, пишетъ Карамзинъ, настроеніе Павла Петровича дѣлалось все болѣе мрачнымъ: подозрительность усиливалась. Никто не былъ увѣренъ, что будетъ съ нимъ на слѣдующій день. Награда утратила свою прелесть, наказаніе—сопряженный съ нимъ стыдъ“. „Время это было самое ужасное, читаемъ въ запискахъ Д. Б. Мертваго, государь былъ на многихъ въ подозрѣніи. Тайная канцелярія была занята дѣлами болѣе вотчины; знатныхъ чиновниковъ почти ежедневно отставляли отъ службы и ссылали на житіе въ деревни... Словомъ, ежедневный ужасъ“. Коцебу говоритъ, что въ Петербургѣ почти на каждомъ шагѣ можно было встрѣтить или кибитки съ ссыльными, или людей, ведомыхъ подъ конвоемъ для наказанія.

Но другіе современники, имѣвшіе возможность глубже вникнуть въ смыслъ начавшагося террора, считаютъ самого Павла не повиннымъ въ тогдашнихъ ужасахъ.

Тотъ же Коцебу говоритъ: „Негодяи, злоупотребляя довѣріемъ монарха, сердце котораго было склонно къ кротости и добротѣ, всюду показывали ему призраки, вовсе не существовавшіе, и даже такіе, въ которые они сами не вѣрили, и ввели начало владычества ужаса“.

„О если бы Государь зналъ это! восклицаетъ тотъ же современникъ; онъ, который сердечно желалъ счастья своимъ поданнымъ“.

Сенаторъ Лопухинъ, близко знавшій Павла, въ своихъ запискахъ такъ отзывается о немъ: „Въ Государѣ семь, можно сказать, безпремѣнно соединились всѣ противныя одно другому свойства до возможной крайности: только острота ума, чудная дѣятельность и щедрость безпредѣльная являлись въ немъ при всѣхъ случаяхъ неизмѣнно“.

„Пылкость гнѣва его никогда, однакожъ, не имѣла послѣдствій невозвратныхъ.“

„Къ строгости побуждался онъ точно стремленіемъ любви, правды и порядка, коего разстройство увеличивалось иногда его предубѣжденіемъ. Я увѣренъ, что при рѣдкомъ государѣ больше, какъ при Павлѣ I, можно было бы сдѣлать добра для государства, еслибъ окружавшіе его руководствовались усердіемъ къ отечеству, а не видами собственной корысти“.

Де-Сангленъ говоритъ: „Павелъ всегда останется психологической задачей. Съ сердцемъ добрымъ, чувствительнымъ, душою возвышенною, умомъ просвѣщеннымъ, пламенною любовію къ справедливости, духомъ рыцаря временъ протекшихъ, онъ былъ предметомъ ужаса для подданныхъ своихъ“.

Генераль прокуроръ Оболяниновъ говорилъ Н. С. Ильинскому, что „злые и мстительные люди, пользуясь дурнымъ настроеніемъ Павла, наносили обиды и несчастія даже невиннымъ“.

Особенное вниманіе мы должны обратить на отзывы о Павлѣ генерала Спренгпортена и одного прусскаго дипломата, которыхъ никакъ нельзя заподозрѣть въ пристрастіи къ Павлу.

Спренгпортенъ, будучи въ Берлинѣ 1800 г., характеризуетъ Павла, какъ „самаго честнаго, самаго искренняго, самаго откровеннаго человѣка, который когда либо былъ“. Прусскій дипломатъ въ депешѣ своему министру писалъ изъ Петербурга: „Преступленіе, совершенное въ ночь съ 11 на 12... вызвало радость въ большей части *высшаго общества*... Но народъ, чуждый всего случившагося, искренно оплакиваетъ того, который искренно любилъ справедливость, ненавидѣлъ плутовъ и каралъ ихъ“.

„Долго будутъ говорить о противорѣчіяхъ въ поведеніи Императора Павла... что же касается меня, то я любилъ отмѣчать добро, которое онъ дѣлалъ и стремился дѣлать“.

Спрашивается, возможно ли допустить, чтобъ Императоръ Павелъ, котораго и русскіе современники и иностранцы характеризуютъ такими идеальными чертами, могъ быть когда нибудь тираномъ своего народа?! Нѣтъ, если была тиранія, то она не зависѣла отъ Павла и послѣдній даже не зналъ о ней. Въ 1800 г. онъ говорилъ шведскому послу Стедингу: „меня выставляютъ за ужаснаго, невыносимаго человѣка, а я не хочу никому внушать страха“. Значитъ были лица, которымъ нужно было выставять Павла въ ужасномъ видѣ и которыя имѣли къ тому возможность.

Въ доказательство этого можно было бы привести достаточно историческихъ фактовъ, подлежащихъ никакому сомнѣнію. Но вотъ вопросъ: для чего все это дѣлалось? для чего извращались самымъ безсовѣстнымъ образомъ приказы Павла? для чего иногда довольно мягкія наказанія, налагаемые императоромъ, приводились въ исполненіе самымъ жестокимъ образомъ? для чего распускались сплетни объ ужасныхъ намѣреніяхъ Павла относительно императрицы, относительно наслѣдника престола? зачѣмъ, наконецъ, вооружали его противъ преданныхъ ему лицъ? Вѣрный отвѣтъ на

эти вопросы мы находимъ въ запискахъ барона Гейкинга, бывшаго при Павлѣ сенаторомъ и предсѣдателемъ юстицъ-коллегіи. Разсказавъ о томъ, какъ Безбородко и Кутайсовъ вооружали Павла противъ Маріи Ѳеодоровны и Нилидовой, какъ Кутайсовъ восхвалялъ Палена и унижалъ ген. прок. А. Куракина и ген. губ. Буксгевдена, разсказавъ о назначеніи генералъ губернаторомъ Петербурга Палена, о начавшихся съ этого времени ежедневныхъ увольненіяхъ напр. Лопухина, Аракчеева, преданныхъ Павлу лицъ, Гейкингъ замѣчаетъ: „Вскорѣ мы узнаемъ тайныя къ тому побужденія и увидимъ, что всѣ эти крутыя перемѣны, приписываемыя Павлу, были только послѣдствіями глубоко заходившихъ соображеній и такой тонкой интриги, которая можетъ лишь сравняться съ адскою ловкостью, съ какою она приведена въ исполненіе“.

Понятно, на какую интригу намекаетъ Гейкингъ—это катастрофа въ ночь съ 11 на 12 Марта. Но кому она нужна?

Несомнѣнно, что большинство дворянства было недовольно преемникомъ покойной императрицы. Если Екатерина Алексѣевна называла себя „самою аристократичнѣйшею монархиней въ Европѣ“, то Павелъ Петровичъ былъ „демократичнѣйшимъ“ монархомъ.

Воспитанникъ знаменитаго государственнаго дѣятеля Никиты Ив. Панина, онъ вполне проникся тѣми взглядами на самодержавнаго государя, которые этотъ воспитатель развивалъ въ своемъ предсмертномъ трудѣ.

„Сильный и немощный, великій и малый, богатый и убогій— всѣ на одной чредѣ: добрый государь—добръ для всѣхъ и всѣ уваженія его относятся не къ частнымъ выгодамъ, но къ общей пользѣ.“ И Павелъ I-й именно стремился осуществить въ жизни идеалъ одинаково для всѣхъ добраго монарха, а не для господствующаго только сословія. Съ первыхъ же шаговъ своей царской дѣятельности онъ особенное вниманіе обращаетъ съ одной стороны на улучшеніе положенія низшихъ чиновъ арміи, а съ другой на улучшеніе состоянія крестьянства.

„Крестьянство, писалъ Павелъ, содержитъ собою всѣ прочія части своими трудами, слѣдственно, особаго уваженія достойно и утвержденія состоянія“... И нужно сознаться, что рядомъ указовъ въ первый же годъ своего царствованія новый императоръ значительно облегчилъ тяжелое положеніе всякаго рода крестьянства.

Да одинъ актъ о трехдневной барщинѣ чего стоитъ?! Къ сожалѣнію Павелъ не долго процарствовалъ, а потому и не успѣлъ исполнить своихъ гуманнѣхъ намѣреній относительно

крестьянства. Въ тоже время онъ былъ противникомъ откуповъ и всякаго рода монополій, а это не могло не нравиться массѣ торговыхъ людей.

Вотъ почему замѣчаніе современника, Д. Рунича, что „купцы и народъ любили Павла“, вполне вѣрно, какъ вѣрно и выше упомянутое свидѣтельство прусскаго дипломата, что народъ искренно оплакивалъ своего государя.

„За пересудами и за различною тогдашнею, отчасти до сей поры помятною былью въ кругахъ службы, говорить современникъ Лубяновскій, не безъ удовольствія вспоминаешь, что, не взирая на то, народъ бодрый, хотя также отъ страха, какъ бы въ сторонѣ, благоденствовалъ; если на землѣ и то уже благоденствіе, когда дешевы хлѣбъ, соль да вино, да на плечахъ зипунъ и тулупъ, а на ногахъ лапти, не тяжелые къ тому рекрутскіе наборы и подати умѣренныя. \*)

Такой еще тогда вѣкъ былъ, что и отсутствіе первыхъ матеріальныхъ потребностей жизни въ народѣ не низко цѣнилось“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстно, что Павелъ Петровичъ не только не ознаменовалъ своего царствованія новыми милостями въ пользу дворянства, но стремился ограничить и дѣйствительно ограничилъ уже дарованныя этому сословію привилегіи и даже посягалъ на акты о вольности дворянства.

Этого требовала государственная справедливость, но тѣмъ не менѣе дворянство слишкомъ косо посмотрѣло на такія посягательства.

И уже чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вступленія на престолъ Павла, это недовольство высшихъ классовъ выражалось такъ сильно и явно, что Императоръ этого не могъ не замѣтить.

„Люди знатные, пишетъ Саблуковъ, конечно тщательно скрывали свое неудовольствіе, но чувство это иногда прорывалось наружу, и во все время коронаціи въ Москвѣ императоръ не могъ этого не замѣтить. За то низшія сословія съ такимъ восторгомъ привѣтствовали императора при всякомъ представлявшемся случаѣ, что онъ приписывалъ холодность и видимое отсутствіе привязанности къ себѣ дворянства лишь нравственной его испорченности и якобинскимъ наклонностямъ.

„Что касается до этой испорченности, то онъ былъ, конечно, правъ, такъ какъ нерѣдко многіе изъ самыхъ недовольныхъ, когда

---

\*) При Екатеринѣ II крестьянство сложило такую поговорку относительно своего благоденствія: „босоты да наготы изнаѣшаны шесты, а холоду да голоду амбары стоять“.

онъ обращался къ нимъ лично, отвѣчали ему льстивыми словами и съ улыбкою на устахъ; Павелъ же по честности и откровенности своего нрава, никогда не подозрѣвалъ въ этомъ двоедушія, тѣмъ болѣе, что онъ часто говорилъ, что, будучи всегда готовъ и радъ доставить законное и полное оправданіе всякому, кто считалъ себя обойденнымъ или обиженнымъ, онъ не боится быть несправедливымъ“. А главное это то, что недовольные уже въ первый годъ царствованія Павла прибѣгали къ тому же низкому средству, чтобъ возбудить противъ Императора общественное мнѣніе, которое практиковалось столь успѣшно заговорщиками послѣ разрыва съ Англіей, именно выдумка и распространеніе разнаго рода сплетень.

Современникъ Болотовъ передаетъ: „Въ первыя времена правленія Государева разглашаемы были многіе и совсѣмъ ложные слухи, и разсказывали дѣла и происшествія, которыхъ никогда не бывало и не происходило“. \*)

Интересное свидѣтельство оставилъ намъ одинъ современникъ — Руничъ: „Запрещеніе носить круглыя шляпы и панталоны, говорить онъ, возбудило ненависть къ Павлу и среди знати и не знати... Разрѣшеніе наряжаться шутами, обмѣнъ рукопожатій, болтовня безъ удержу заставили полюбить Александра тотчасъ по вступленіи на престолъ“.

Семенъ Воронцовъ въ письмѣ къ сыну такъ выражался о высшемъ русскомъ обществѣ: „Нація уничиженная, изнѣженная,

\*) Въ доказательство того, какъ нужно осторожно и даже скептически относиться къ разнаго рода страннымъ распоряженіямъ Павла, которыхъ онъ на самомъ дѣлѣ никогда не дѣлалъ, приведемъ здѣсь слѣдующія историческія данныя. Извѣстно, что Павелъ приказалъ выкрасить пестрою краскою казенные мосты, шлагбаумы, верстовые столбы — вѣроятно для того, чтобы эти предметы были замѣтнѣе ночью. Но генералъ-губернаторъ Петербурга Архаровъ, разсказ. Гейкинъ, приказалъ всѣмъ безъ исключенія обывателямъ столицы окрасить ворота своихъ домовъ и даже садовыхъ заборовъ полосами черной, оранжевой и бѣлой красокъ на манеръ казенныхъ шлагбаумовъ. Это смѣшное приказаніе надо было выполнить немедленно. Со всѣхъ сторонъ раздались крики негодованія тѣмъ болѣе, что исполненіе такого распоряженія стоило обывателямъ большихъ расходовъ. Императоръ въ это время путешествовалъ по Россіи, а возвратившись въ Петербургъ и узнавши, что упомянутое распоряженіе сдѣлано его именемъ, гнѣвно воскликнулъ: „такъ что же я дуракомъ чтоли сталъ, чтобъ отдавать такія повелѣнія“ Архаровъ былъ удаленъ отъ службы.

Въ запискахъ Н. Н. Греча мы находимъ слѣд. разсказъ. „Однажды императоръ, стоя у окна, увидалъ идущаго мимо зимняго дворца пьянаго мужика и сказалъ безъ всякаго умысла или приказанія: „Вотъ идетъ мимо царскаго дома. и шапки целомаетъ!“ Лишь только узнали объ этомъ замѣчаніи государя, послѣдовало приказаніе: всѣмъ идущимъ и идущимъ мимо дворца снимать шляпы..... ни морозъ, ни дождь не освобождали отъ этого. Переѣхавъ въ Михайловскій замокъ, т. е. незадолго до своей кончины, Павелъ замѣтилъ, что всѣ идущіе мимо дворца снимаютъ шляпы и спросилъ о причинѣ такой учтивости. „По высочайшему повелѣнію В. И. В.“ отвѣчали ему. „Никогда я этого не приказывалъ“ вскричалъ онъ съ гнѣвомъ и приказалъ отмѣнить новый обычай“. Т. об. изъ этого разсказа мы видимъ, что въ высшей степени стѣснительное и даже дикое распоряженіе, сдѣланное отъ имени императора полиціей,

погибающая отъ роскоши и долговъ и въ тоже время легкая по характеру, что она забыла ужасы деспотизма, подъ которымъ она задыхалась, потому, что теперь ей позволили носить круглыя шляпы и сапоги съ отворотами“.

Словомъ, недовольные были. Но отъ недовольства до заговора еще далеко! По нашему мнѣнію, не внутренняя дѣятельность Павла привела къ катастрофѣ въ ночь съ 11 на 12 Марта, а перемѣна имъ внѣшней политики, и толчекъ къ заговору данъ былъ извнѣ. Какъ извѣстно, у насъ въ то время существовали англофилы и австрофилы,—а почему они существовали—это само собою понятно, какъ должно быть понятно, почему англофиловъ было гораздо болѣе, чѣмъ австрофиловъ.

Послѣ такого невольнаго отступленія отъ нашей темы мы снова обращаемся къ отзывамъ современниковъ о Павлѣ и главнымъ образомъ съ тою цѣлю, чтобъ показать—почему нѣкоторые страстные сторонники Павла перешли въ лагерь враговъ и рѣзко измѣнили свои взгляды на его царствованіе.

Извѣстно, что въ царствованіе Екатерины II братья Панины, Никита Ивановичъ и Петръ Ивановичъ, были самыми усердными сторонниками цесаревича Павла. Сынъ Петра Никита наслѣдовалъ отъ дяди и отца, какъ ихъ имѣнія, такъ и привязанность къ Павлу Петровичу. Съ восшествіемъ на престолъ послѣдняго, Никита Петровичъ Панинъ естественно надѣялся играть выдающуюся роль въ государствѣ. Но долго ему это не удавалось: Павелъ Петровичъ, еще будучи наслѣдникомъ, недовѣрялъ молодому Панину, подозрѣвая его въ двоедушіи, а потому и не выказывалъ къ нему особеннаго благоволенія и тогда, когда вступилъ на престолъ. Правда, скоро Панинъ получилъ мѣсто посла въ Берлинѣ, украсивъ орденомъ св. Александра, получилъ нѣсколько лестныхъ рес-

дѣйствовало продолжительное время и о которомъ Павелъ узналъ только незадолго до кончины. А сколько это вызвало криковъ негодованія противъ этого императора?! Изъ разсказовъ генерала Кутлубицкаго о временахъ Павла мы узнаемъ напр., что этотъ императоръ никогда не дѣлалъ распоряженія о замѣнѣ русской упряжи нѣмецкой, какимъ образомъ оно появилась, какъ вознегодовалъ Павелъ, узнавъ о немъ, и отмѣнилъ дикое распоряженіе полиціи. Напомнимъ еще читателю о томъ, какъ ген. губерн. Паленъ, якобы по повелѣнію Павла, собственноручно памылилъ голову одной аристократки, о высылкѣ имъ же отставного полковника Давыдова изъ Петербурга и о негодованіи императора на эти произвольныя дѣйствія заговорщика. Смыслъ такихъ дѣйствій тогдашнихъ властей понятенъ—вызвать озлобленіе противъ Павла русскаго общества. Имѣя въ виду такія произвольныя дѣйствія Петербургскихъ ген. губернаторовъ, невольно приходишь къ убѣжденію, что безъ колебанія можно вѣрить только тѣмъ приказамъ Павла, подъ которыми видишь его собственноручную подпись. Мы слышали отъ одного лица, заслуживающаго нашего довѣрія, что даже послѣ смерти Павла составлялись отъ его имени указы самого чудовищнаго свойства.

криптовъ, но все это неудовлетворяло молодого человѣка. По чему же? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ жалобное письмо Панина къ Семену Воронцову отъ 19 Апрѣля 1799 г. „Отъ моего дяди, жалуется онъ своему другу, осталось долгу 320,000 р....; Великій Князь зналъ это и торжественно общалъ моему отцу уплатить всѣ долги моего дяди, лишь только взойдетъ на престолъ. Мой отецъ умеръ 1789 г.; хотя онъ уплатилъ часть долговъ дяди, оставилъ мнѣ еще 180,000 руб. долгу. Погашеніе этой суммы въ банкѣ отнимаетъ у меня ежегодно 15,000 р. дохода и это заставляетъ меня дѣлать новыя долги. Среди потока щедротъ, изливаемыхъ съ трона, только одинъ забыть—это наслѣдникъ фамиліи, въ отношеніи которой приняли на себя формальное обязательство“. Такъ вотъ въ чемъ дѣло: императоръ не желаетъ уплачивать долговъ....

Нужно также имѣть въ виду, что Никита Петровичъ Панинъ въ дѣлахъ политики держался идей „Вооруженнаго нейтралитета“ и „морской конвенціи“ сѣверныхъ державъ, направленныхъ противъ морского деспотизма Англіи.

„Планъ вооруженнаго нейтралитета, замѣчаетъ одинъ современникъ, Панинъ наслѣдовалъ какъ реликвію отъ своего покойнаго дяди“. Однако мы знаемъ, что Никита Петровичъ Панинъ на дѣлѣ забросилъ эту реликвію, какъ не нужную вещь, вошелъ въ дружбу съ главою англофильской партіи С. Воронцовымъ, а съ конца 1799 г., занимая мѣсто вице-канцлера, онъ является уже крайнимъ англофиломъ, вступаетъ въ интимныя сношенія съ англійскимъ посломъ въ Петербургѣ Витвортомъ и наконецъ послѣ разрыва Россіи съ Англіей дѣлается главнымъ заговорщикомъ противъ императора Павла. Вотъ къ чему привело этого Панина невниманіе Павла къ денежнымъ его интересамъ!

Въ Мартѣ 1800 г., за два мѣсяца до удаленія Витворта изъ Петербурга, Панинъ уже пишетъ Воронцову, что *тиранія и сумасшествіе дошли до крайней степени*, умоляетъ друга не покидать своего поста въ Лондонѣ, а „если вы оставите оный, говоритъ Панинъ, то что мы будемъ дѣлать послѣ того, какъ Витвортъ будетъ отозванъ?“. Императоръ въ это время, дѣйствительно, приказываетъ Воронцову подать въ отставку.

Панинъ въ письмѣ отъ 9 Апрѣля, сообщая такое рѣшеніе государя своему другу, замѣчаетъ:

„Вчера я изъ достовѣрнаго источника узналъ, что Головинъ, интимный другъ Растопчина (сторонникъ Франціи и противникъ

Англии), добивается места посла в Лондон... Я вам скажу только, что если он замѣститъ васъ, то я въ такомъ случаѣ не могу защитить себя отъ жестокаго подозрѣнія“.

Воронцову было понятно, какой проступокъ чувствовалъ за собою Панинъ и раскрытія котораго онъ такъ боялся!

Семенъ Романовичъ Воронцовъ еще въ 1783 г. прибылъ въ Лондонъ въ качествѣ русскаго посла. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ личныхъ обстоятельствъ, для него Англія скоро сдѣлалась второю родиною и гораздо милѣе первой. Современники справедливо упрекали этого Воронцова въ томъ, что онъ болѣе любитъ Англію, чѣмъ Россію. Отсюда вся его забота направлена была къ тому, чтобъ поддерживать дружбу между этими двумя государствами, потому что только въ такомъ случаѣ онъ могъ жить въ Лондонѣ и пользоваться почетомъ среди англичанъ. Англофильство Воронцова простиралось до того, что онъ даже порицалъ такіе гуманнѣйшіе акты, какъ „вооруженный нейтралитетъ“ и „морскую конвенцію“—порицалъ только потому, что они направлены были противъ пиратства Англіи.

Еще въ царствованіе Екатерины II Зубовъ обвинялъ Воронцова въ томъ, что онъ болѣе привязанъ къ Англіи, чѣмъ къ своему отечеству.

И дѣйствительно въ это время англійскій посолъ Витвортъ и нашъ лондонскій посолъ Воронцовъ горячо работали, чтобъ „Англія и Россія, по словамъ Витворта, составляли одно“. Известно, что значить на языкѣ англичанъ, чтобъ та или другая держава была за одно съ Англіей—это означаетъ, чтобъ союзница всегда была готова вынимать своими руками для англіи горячіе каштаны... Въ концѣ царствованія Екатерины Алексѣевны англофиламъ удалось достигнуть цѣли: Россія отправила 60 т. войска, чтобъ принять участіе въ борьбѣ съ Франціей. Но Павелъ, вступивъ на престолъ и желая доставить своимъ подданнымъ миръ, отказался отъ участія въ коалиціи, и движеніе русскихъ войскъ было остановлено. Вицекапцлеръ Остерманъ по этому поводу писалъ Воронцову: „Россія будучи въ непрерывной войнѣ съ 1756 г., есть потому единственная страна, которая находилась 40 лѣтъ въ несчастномъ положеніи истощать свое народонаселеніе.

„Человѣколюбивое сердце Императора Павла не могло отказать любезнымъ его подданнымъ въ принужденномъ и желаемомъ ими отдохновеніи послѣ столь долго продолжающихся изнуреній“.

Что можетъ быть гуманнѣе и справедливѣе такого рѣшенія новаго государя?! Русскій народъ восторженно привѣтствовалъ эту милость императора Павла. Но англофилы были въ высшей степени недовольны его миролюбивою политикою: они кричали, что будто бы Россія этимъ „исключаетъ себя изъ Европы“.

Къ сожалѣнію, прерванныя дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей не были возобновлены. Такое положеніе дѣлъ давало англійскому кабинету и русскимъ англофиламъ надежду рано или поздно втянуть императора Павла въ борьбу съ революціонной Франціей. Особенно этимъ дѣломъ занялись англійскій посолъ въ Петербургѣ Витвортъ и нашъ лондонскій посолъ С. Воронцовъ.

Настойчивость послѣдняго заставить русское правительство выйти изъ занятаго имъ нейтральнаго положенія и объявить войну Франціи настолько была страстная, что даже привела въ изумленіе его друга, графа Завадовскаго. Въ письмѣ отъ 3 Декабря 1798 г. онъ такъ писалъ Воронцову: „Съ нѣкоторой поры изъясненія твои припахиваютъ воздухомъ Темзы... Внушая подвиги (Россіи), должно тутъ же предназначать и соразмѣрную онимъ выгоду. Но неужели для всѣхъ мы одни даромъ?“

Павелъ долго не поддавался внушеніямъ англофиловъ, но безтактное поведеніе въ отношеніи Россіи тогдашняго французскаго правительства и особенно знаменитаго Банапарта помогли имъ: въ 1799 г. Россія приняла участіе въ борьбѣ съ Франціей въ союзѣ съ Австріей и Англіей.

Теперь спрашивается, какъ же отзывался о личности Павла и его государственной дѣятельности С. Воронцовъ, этотъ глава русскихъ англофиловъ? Можно сказать, что до самаго разрыва Россіи съ Англіей Воронцовъ является усерднымъ панегиристомъ Павла Петровича: какъ о личныхъ качествахъ этого императора, такъ и о государственной его дѣятельности онъ отзывался съ особенною похвалою и даже восторженно.

Въ письмѣ къ Колычеву отъ 12 Декабря 1796 г. онъ пишетъ:

„Мы лишились великой монархини; но несомнѣнно, что преемникъ ея будетъ великимъ и добрымъ государемъ... Мы знаемъ, что онъ свѣдущъ и уменъ. Образъ его дѣйствій по вступленію на престолъ свидѣтельствуетъ о превосходномъ его характерѣ и возвышенной душѣ.

Приверженность и сыновнее почтеніе, которыя онъ выразилъ къ памяти злосчастнаго отца, императора Петра III и награды

всѣмъ тѣмъ, которые были преданы этому государю, обнаруживаютъ душу чувствительную, благородную и правдолюбивую“.

Въ письмѣ къ Рындину въ полов. 1797 г. Воронцовъ называетъ Павла „справедливымъ и добродѣтельнымъ монархомъ“. Такіе же похвалы по адресу Павла Петровича встрѣчаемъ въ письмахъ Воронцова и въ послѣдующіе годы: „Я благодарю Всевышняго, писалъ онъ въ половинѣ 1799 г., что при концѣ моей жизни онъ дозволилъ мнѣ дожить до сихъ счастливыхъ временъ, въ кои царствуетъ въ моемъ отечествѣ Государь, столь великодушный и премилостивый...“ Въ письмѣ графа Воронцова къ его дочери отъ 29 Сентября 1799 г. найдены слѣдующіе стихи:

Храни, Господь, храни  
Монарха Россовъ дни,  
Господь, храни!

. . . . .  
Россійскихъ онъ сыновъ  
И слава, и любовь;  
Драгія Павла дни,  
Господь, продли!

Въ тоже время и англійскій посоль Витвортъ не нахвалится русскимъ Государемъ: въ письмахъ къ Воронцову онъ говоритъ о великодушномъ и благородномъ характерѣ Павла, о честности его, о превосходныхъ его принципахъ и проч. „Ничто не можетъ быть сравниваемо, восклицаетъ Витвортъ въ письмѣ отъ 13 Декабря 1798, съ великодушіемъ и ревностію вашего Государя, я думаю, какъ и вы, что мы должны, тотъ и другой, гордиться, что служимъ подобному господину“.

Но скоро Павелъ разочаровался въ своихъ союзникахъ; вѣроломное поведеніе Австріи и Англіи въ 1799 году настолько его раздражило, что онъ рѣшился выйти изъ коалиціи, направленной противъ Франціи. Весною 1800 г. Витвортъ былъ удаленъ изъ Петербурга, а Воронцовъ изъ Лондона. Павелъ приказалъ было Воронцову возвратиться въ Россію, но послѣдній, ссылаясь на свою дряхлость и болѣзнь дочери, просилъ позволенія остаться въ Англіи.

Императоръ уважилъ эту просьбу. Въ письмѣ отъ 15 іюня 1800 г. Воронцовъ, поблагодаривъ Павла за такую милость, пишетъ: „Да сохранитъ Всевышній здравіе Ваше, Государь, благодѣтель и спаситель. Сіи суть чувства и теплыя молитвы мои, кои я не престану возносить къ Всевышнему“. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого письма Воронцовъ уже могъ видѣть съ одной стороны

сближеніе между Павломъ и Наполеономъ, а съ другой—неизбѣжность войны Россіи съ Англіей.

Послѣдней грозила страшная опасность! И Воронцовъ уже забываетъ своего „благодѣтеля и спасителя“ и не только не молить Всевышняго о дарованіи ему драгоцѣннаго здравія и долготѣія, но, о ужасъ! жаждетъ смерти Павла, жаждетъ даже крови его...!! Объ этомъ свидѣлствуютъ письма Воронцова къ Н. Н. Новосильцеву.

Въ письмѣ отъ 2 февраля 1801 г., упомянувъ о безуміи Павла и его ежедневныхъ жестокостяхъ, вслѣдствіе которыхъ Россія идетъ къ полной гибели, Воронцовъ замѣчаетъ: „Но это не дѣйствуетъ на націю и на тѣхъ, которые наиболѣе заинтересованы въ ея спасеніи. Кажется, будто оцѣпненіе и дурацкая трусость обуяли всѣ души“.

Что же русскіе люди должны дѣлать? Отвѣтъ на этотъ вопросъ Воронцовъ даетъ въ слѣдующихъ письмахъ. „Вы мнѣ говорите, пишетъ онъ тому же Новосильцеву, что не слѣдуетъ строго судить извѣстное лицо, очень насъ интересующее.... и не слѣдуетъ терять надежды.... До извѣстной степени это вѣрно, т. е. когда у меня есть достаточныя данныя для ожиданія какой либо переменны....“.

По мнѣнію Воронцова, такой надежды нѣтъ, и напрасно искать утѣшеній въ будущемъ; все погибло! „Мы въ такомъ положеніи, какъ будто бы находились, вы и я, на кораблѣ, капитанъ и экипажъ котораго той національности, языка которой мы не понимаемъ. У меня морская болѣзнь и я не могу подняться съ кровати. Вы только что сообщили мнѣ, что буря сильна и корабль погибнетъ, такъ какъ капитанъ сошелъ съ ума, бьетъ экипажъ, состоящій изъ тридцати душъ слишкомъ; экипажъ не смѣетъ противодѣйствовать его сумасбродству, такъ какъ онъ уже сбросилъ одного матроса въ море, другого убилъ. Я думаю, что корабль погибаетъ, но вы говорите, что еще есть надежда на спасеніе, потому что помощникъ капитана—молодой человѣкъ благоразумный и мягкій, къ которому экипажъ относится съ довѣріемъ. Я васъ заклинаю возвратиться на палубу и напомнить молодому человѣку и матросамъ, что они должны спасти корабль, часть котораго, какъ и грузъ, принадлежатъ молодому человѣку; напомнить, что ихъ 30 противъ одного и что смѣшно бояться быть убитымъ этимъ сумасброднымъ капитаномъ, такъ какъ въ скоромъ времени всѣ и онъ самъ будутъ потоплены этимъ дуракомъ. Вы мнѣ отвѣчаете, что, не зная языка, вы не можете съ нимъ говорить, что пойдете наверхъ посмотрѣть, что тамъ происходитъ. Вы возвра-

щаетесь ко мнѣ сказать, что опасность увеличивается, такъ какъ сумасшедшій все еще у руля, но что вы продолжаете надѣяться. Прощайте! Вы счастливѣ меня, мой другъ: у меня нѣтъ надежды“.

Читателю, конечно, должно быть понятно, кого Воронцовъ въ этомъ письмѣ разумѣетъ подъ сумасшедшимъ капитаномъ, подъ караблемъ, матросами и молодымъ помощникомъ...

Въ другомъ письмѣ (дата неизвѣстна—вѣроятно въ концѣ февраля или въ началѣ марта 1801 г.) къ Новосильцеву Воронцовъ писалъ: „Братъ мой сообщилъ мнѣ въ письмѣ отъ 28 января, что дворъ въ маѣ мѣсяцѣ прибудетъ въ Москву...—Мнѣ кажется, что нашъ храбрецъ... (Павелъ) хочетъ удалиться отъ сосѣдства съ Кронштадтомъ до конца апрѣля, надѣясь, что англичане ранѣе тамъ не появятся. Это—достойно его. *Я не огорчаюсь его путешествіемъ въ Москву, идѣ больше истинныхъ русскихъ, чѣмъ въ Петербургъ, и я надѣюсь, что они расправятся съ этимъ...*“.

Рѣзкая перемена отношеній Воронцова къ императору Павлу служить яркимъ примѣромъ того, какъ иногда современники подъ вліяніемъ личныхъ расчетовъ, личныхъ непріятностей бывають слишкомъ неправы въ своихъ отзывахъ о томъ или другомъ государственномъ дѣятелѣ и какъ нужно историкѣ осторожно пользоваться такимъ историческимъ матеріаломъ. Вотъ еще примѣръ такого же рода. Графъ Завадовскій въ письмѣ къ С. Воронцову отъ 12 августа 1799 г. замѣчаетъ: „Утѣшеніе превеликое жить въ цвѣтущіе дни своего отечества“. Въ это время Завадовскій былъ доволенъ Павломъ. Онъ состоялъ главнымъ директоромъ ассигнаціоннаго банка и пользовался благосклонностію Императора. Но въ началѣ ноября того же года Павелъ узналъ, что въ этомъ банкѣ не все обстоитъ благополучно: въ разное время оттуда похищено до 7,000 рублей. Завадовскій принужденъ былъ оставить теплое мѣстечко и переселиться изъ Петербурга въ свою деревню. Послѣ такой непріятности графъ уже не находилъ превеликимъ утѣшеніемъ жить при Павлѣ и сталъ смотрѣть на его царствованіе, какъ на „зады Ивана Грознаго“.

Приведенные нами отзывы современниковъ, конечно, не могутъ имѣть рѣшающаго значенія въ дѣлѣ характеристики личности Павла и его государственной дѣятельности: мы смотримъ на нихъ, прежде всего, какъ на впечатлѣнія, произведенныя на упомянутыхъ современниковъ личностію и дѣятельностію этого Императора. И если мы склоняемся на сторону хвалителей Павла, а не хулителей,

то это потому, что мы знаемъ и высоко цѣнимъ его мудрую государственную дѣятельность.

Мы думаемъ, что при характеристикѣ Павла Петровича не слѣдуетъ смѣшивать его отношенія къ лицамъ и его государственное дѣло. Вся его дѣятельность свидѣтельствуетъ, что онъ всегда имѣлъ въ виду общегосударственное благо и сдѣлалъ въ этомъ отношеніи больше, чѣмъ можно было ожидать, имѣя въ виду его слишкомъ непродолжительное царствованіе. Что-же касается отношеній Павла Петровича къ лицамъ, то несомнѣнно, что онѣ были суровы и иногда жестоки. „Малѣйшая оплошность, говоритъ современникъ, И. Листовскій, вызывала гнѣвъ Императора... благородный и великодушный онъ не выносилъ безчестныхъ поступковъ и каралъ ихъ жестоко“.

Въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ приводитъ слѣдующій рассказъ: „Два брата находились на войнѣ. Одинъ возвратился, а другой, почитавшійся убитымъ, исключенъ изъ списковъ. Были они тогда оба въ оберъ-офицерскихъ чинахъ поручиками или штабсъ-капитанами. Когда старшій, получившій имѣніе брата, какъ наслѣдникъ, женился и дослужился до полковничьяго чина, то явился младшій, оказавшійся живымъ, но бывшій нѣсколько лѣтъ въ плѣну. Старшій братъ отрекся отъ него и не выдавалъ ему его имѣнія, утверждая, что братъ его умеръ.“

Сей послѣдній подалъ жалобу Государю, который приказалъ: „Умершаго полковника исключить изъ списковъ; брата же его поручика, возвратившагося изъ плѣна, произвести въ полковники. Имѣніе умершаго брата передать новому полковнику“.

Извѣстно, что графы Аракчеевъ и Растопчинъ были искренно и глубоко преданы Павлу. Почему же эти лица подверглись опалѣ?

Въ Петербургѣ былъ обокраденъ арсеналъ. Инспекторъ Графъ Аракчеевъ донесъ государю, что караулъ въ то время содержали канонеры баталіона ген.-лейт. Вильде. Послѣдній былъ удаленъ отъ службы. Но скоро Павелъ узналъ, что Аракчеевъ покривилъ душою: караулъ въ тотъ день при арсеналѣ былъ не отъ баталіона Вильде, а отъ баталіона генералъ-маіора Аркачеева, его брата. Послѣдствіемъ этого было то, что инспекторъ Аракчеевъ за ложный рапортъ, а братъ его за слабость команды удалены отъ службы, а Вильде снова принятъ на службу.

Поводомъ къ разочарованію Павла въ Растопчинѣ послужило слѣдующее обстоятельство. Графу Растопчину попалось одно письмо

подозрительнаго содержанія и онъ представилъ оно Павлу съ замѣчаніемъ, что оно писано гр. Панинымъ, проживавшимъ въ то время въ опалѣ подѣ Москвою. Этимъ Растопчинъ хотѣлъ совершенно уничтожить своего личнаго врага Панина. Между тѣмъ графъ Панинъ вовсе не писалъ такого письма, а писано оно было Приклонскимъ, и государь узналъ объ этомъ отъ самаго автора письма.

Тогда Павелъ, рассказываетъ Коцебу, узнавши истину, сказалъ: „Растопчинъ—чудовище. Онъ хочетъ сдѣлать изъ меня орудіе своей личной мести; ну, такъ я же постараюсь, чтобъ она обрушилась на немъ самомъ“.

Враги Растопчина не замедлили воспользоваться гнѣвомъ императора и добились его удаленія отъ службы.

Пріято говорить и писать о томъ, какъ Павелъ жестоко поступалъ съ разными лицами; но вѣдь для справедливой оцѣнки такихъ жестокостей нужно имѣть въ виду и время, и этихъ лицъ. Что это были за люди? заслуживали ли они болѣе снисходительнаго отношенія къ себѣ со стороны государя? Мы уже приводили отзывъ Александра Павловича о нѣкоторыхъ главныхъ дѣятеляхъ послѣдняго года царствованія Екатерины II, привели также общій отзывъ С. Воронцова о своей собратии по породѣ. Графъ Строгановъ въ своей знаменитой рѣчи, произнесенной въ 1801 г. въ негласномъ комитетѣ, характеризуетъ большинство дворянства того времени самыми мрачными красками. Напр. о большей части сельскаго дворянства онъ отзывался такъ: „Это сословіе самое невѣжественное, самое ничтожное и въ отношеніи къ своему духу наиболѣе тупое“. „Большая часть дворянства, продолжаетъ онъ, состоящаго на службѣ, къ несчастію ищетъ въ исполненіи распоряженій правительства свои личныя выгоды и очень часто служить плутуя, но не сопротивляясь...“.

А вотъ отзывы болѣе частныя—о средѣ придворной. Упомянутый нами выше Лопухинъ въ своихъ запискахъ такъ характеризуетъ эту среду; „Что мнѣ сказать о жизни придворной? Картина ея весьма извѣстна и всегда та же, только съ нѣкоторою переменною въ тѣняхъ. Корысть—идолъ и душа всѣхъ ея дѣйствій. Угодничество и притворство составляютъ въ ней весь разумъ, а острое слово въ толчекъ ближнему—верхъ его“.

„Царедворецъ, свидѣтельствуетъ Муханова, это змія, готовая всегда излить ядъ на своего ближняго“. Въ началѣ 1801 г. прибылъ въ Петербургъ Евгеній Виртембергскій; Павлу Петровичу

очень понравился этот 13 лѣтній принцъ, а придворные, замѣтя это, стали слишкомъ ухаживать за нимъ. „Недовѣряйте никому, сказалъ этому молодому человѣку Дибичъ, ибо они всѣ лукавы, какъ кошки и до тѣхъ только поръ не выпускаютъ когтей, пока надъ ними плетъ господина“.

Этимъ людямъ тяжело было выслушивать рѣзкіе выговоры императора и переносить наказанія за неисполненіе своихъ служебныхъ обязанностей, но они же и въ то же время пресмыкались и унижались предъ Кутайсовымъ и даже его любовницей Шевалье. Этого мало. Ильинскій въ своихъ запискахъ рассказываетъ слѣдующее. У Кутайсова былъ секретаремъ г. Дольскій. „Я будучи у него видалъ, что всѣ почтенные люди списываютъ чрезъ него много. Онъ (Дольскій) заставлялъ чиновниковъ высшаго класса ползать на полу на корячкахъ, а въ случаѣ невыпитія бокала шампанскаго выливалъ къ нимъ за пазуху“. А Тургеневъ, столь неблагопріятно относившійся къ Павлу Петровичу, все-таки возмущался, что „Суворовъ, дерзнувшій осуждать дѣйствія законнаго государя своего, ползалъ, пресмыкался, раболѣпствовалъ предъ княземъ Потемкинымъ“.

Извѣстный Растопчинъ въ письмахъ къ С. Воронцову такъ рисуетъ своихъ ближнихъ по породѣ, которые въ царствованіе Екатерины II занимали высшія должности, а при Павлѣ были у него и въ милости и въ опалѣ:

*Князь Репнинъ*: „какое бы мѣсто онъ не занималъ, достоинъ играть главную роль въ переднихъ и ползать вмѣсто того, чтобы ходить прямо“.

*Князь Александръ Куракинъ*: „такой болванъ, что слѣдовало бы ему быть нѣмецкимъ принцемъ, изгнаннымъ изъ своихъ владѣній, или же идоломъ у дикарей“.

*Графъ Николай Румянцевъ*: „безхарактерный, тщеславный, неспособный и французъ въ душѣ, можетъ только быть придворнымъ бревномъ и болтать вздоръ съ утра до вечера“.

*Князь Алексѣй Куракинъ*: „величайшій негодяй, грабитель, который все путаетъ и всего проситъ съ невозмутимою наглостію“.

*Князь Гагаринъ* „пройдоха большой руки“.

*Князь Безбородко*: „я встрѣтилъ въ немъ ненасытную страсть къ наживѣ и приобрѣтенію. Онъ не брезгалъ никакимъ добромъ... Князь получалъ всѣ припасы для своего дома отъ раскольниковъ, которыхъ обнадеживалъ въ своемъ покровительствѣ. Онъ выписывалъ множество запрещенныхъ товаровъ, не платя никакихъ попи-

линъ и раздѣляя барыши съ *Соймоновымъ*, *человѣкомъ достойнымъ виступицы*. Онъ промѣнялъ бы всю Россію за какой нибудь бриліантъ“.

*Обръзковъ* „плутъ и взяточникъ“; *Рибасъ* „негодникъ“. *Графъ Кутайсовъ*: „этому разбойнику мѣсто не при дворѣ, а на большой дорогѣ“.

*Графъ Н. П. Панинъ*: „это—настоящій демонъ интриги и законное чадо *Макиавеля*...; въ политикѣ онъ слѣдовалъ своимъ личнымъ видамъ, стремился къ установленію наглаго деспотизма Англіи...“. „Я уже не говорю, замѣчаетъ *Растопчинъ*, о поведеніи его послѣ того, какъ онъ потерялъ свое мѣсто вице-канцлера. Оно таково, что заслуживало плахи, презрѣнія честныхъ людей и удивленія подлецовъ“.

Конечно, *Растопчинъ* славился своимъ злорѣчіемъ, а потому его отзывамъ о своей братіи не всегда можно довѣрять, но несомнѣнно, что въ его свидѣтельствахъ есть и значительная доля правды. А братья *Зубовы*? Родной дядя въ своемъ прошеніи *Павлу* называетъ ихъ своими „мучителями и грабителями“. *Страховъ* въ письмѣ къ *Воронцову* передаетъ: „Графъ Н. *Зубовъ*, возвращаясь изъ Москвы въ Петербургъ, пріѣхалъ на ночлегъ въ такой домъ, гдѣ уже остановились сенатскіе чиновники и состоящіе въ оберъ-офицерскихъ чинахъ.... *Зубовъ* силою влѣзъ въ домъ и заставилъ своихъ людей сѣчь этихъ чиновниковъ въ ѣзжалые кнуты“. Другой современникъ, *Бутурлинъ*, говоритъ, что „проѣздъ Н. *Зубова* былъ ознаменованъ ударами кулаковъ и палокъ; жена В. *Зубова* раздавила мальчика на дорогѣ. Ихъ проѣздъ будетъ отмѣченъ какъ проходъ кометы“.

Нечего уже говорить о гр. *Паленѣ*, котораго современники величали „ливонскимъ визиремъ“.

*Александръ Благословенный* жаловался, что высшее русское общество было развращено въ царствованіе *Екатерины II*. Императоръ *Николай I* по поводу одного мерзкаго поступка вельможи воскликнулъ: „И вотъ примѣръ, какой эти украшенные гербами мужики, считающіе себя благородными, потому что они носятъ титулы князей или графовъ, подають моему народу, во сто разъ болѣе благородному, чѣмъ они. Низкіе царедворцы, придворные лакеи, превращающіе честь и добродѣтель въ ремесло и торговшество, низкопоклонные предъ сильными, нахальные и великолѣпные предъ слабыми... Я раздавлю ихъ каблукомъ моего сапога“.

Прибавьте ко всему этому необычайную задолженность высшаго русскаго общества, привычку къ роскоши и мотовству, стремленіе жить не по средствамъ, и тогда станетъ понятно происхожденіе печальныхъ явленій въ жизни этого общества—какъ взяточничество, казнокрадство, продажность и пр. и пр. Самъ Павелъ указываетъ на задолженность русскаго дворянства въ манифестѣ, изданномъ имъ по поводу учрежденія вспомогательнаго дворянскаго банка. Объ этомъ же въ одинъ голосъ говорятъ и русскіе, и иностранцы. Напримѣръ графъ Завадовскій въ письмѣ къ С. Воронцову отъ 27 августа 1797 г. пишетъ: „Братъ твой негодуешь на тебя, что умножаешь долги. Но кто ихъ не имѣетъ. *Всѣ мы прожились по уши*“. Иностранныя державы широко пользовались этимъ обстоятельствомъ и смѣло давали субсидіи государственнымъ дѣятелямъ, чтобъ привлечь ихъ на свою сторону. Отсюда австрофильство и англофильство стали просто нелегальною статьёй доходовъ для этихъ господъ. „Честь, честность, патріотизмъ—качества неизвѣстныя здѣсь даже по названію“, писалъ изъ Петербурга въ 1797 г. прусскій дипломатъ своему правительству. А главное, Павелъ зналъ всё это и горячо возмущался. Герцогъ Леопольдъ въ письмѣ къ своему брату Іосифу II, сообщая ему содержаніе своей бесѣды съ Павломъ Петровичемъ, между прочимъ пишетъ: „Графъ Сѣверный разгорячился и кончилъ, сказавъ, что мнѣ, вѣроятно, извѣстно, кто изъ петербургскихъ должностныхъ лицъ купленъ вѣнскимъ дворомъ; что это мерзко, но что извѣстны всѣ подробности, сколько и когда и что именно получилъ каждый. Когда я началъ его увѣрять, что ничего объ этомъ не знаю, онъ отвѣчалъ: „такъ я знаю и могу назвать вамъ ихъ имена. Это князь Потемкинъ, статсъ-секретарь Безбородко, первый членъ иностранной коллегіи Бакунинъ; оба графы Воронцовы, Семенъ и Александръ, и Морковъ, теперь посланникъ въ Голландіи. Я вамъ называю ихъ: я буду доволенъ, если узнаютъ, что мнѣ извѣстно, кто они такіе, и лишь только я буду имѣть власть, я ихъ отстегаю, уничтожу и выгоню. Графиня подтвердила мнѣ тоже самое“. Иностранные посланники подкупали даже вліятельныхъ женщинъ, напр. англійскій посолъ Витвортъ сообщаетъ своему правительству въ 1797 г., что онъ далъ Нелидовой 30,000 руб.

Всѣ эти историческія данныя показываютъ, что люди того времени были ужасны и нравы ихъ жестоки, и если Павелъ Петровичъ относился къ нимъ сурово, то онъ имѣлъ на то основаніе. „Я, писалъ Павелъ своему другу, люблю лучше быть ненавидимымъ,

дѣлая добро, чѣмъ любимымъ, дѣлая зло“. Вотъ девизъ этого государя и онъ неуклонно слѣдовалъ ему во всё свое царствованіе. Подъ добромъ Павелъ разумѣлъ общегосударственное благо и ради него онъ не щадилъ ни себя, ни своихъ подданныхъ. И онъ въ короткое время сдѣлалъ слишкомъ много для своего отечества. „Надобно сказать правду, замѣчаетъ Руничъ, что всѣ отрасли управленія были при Павлѣ значительно упорядочены по сравненіи съ прежнимъ. Продажность должностныхъ лицъ не могла быть искоренена сразу; по крайнѣй мѣрѣ правосудіе не продавалось болѣе съ публичнаго торга“.

Наконецъ не можемъ еще не привести отзывъ о Павлѣ Петровичѣ знаменитаго Растопчина. „Душа моя писалъ онъ Воронцову въ 1801 г., полна къ нему (Павлу) вѣчною признательностію, и языкъ не поворачивается судить о немъ“.

„Похвала же моя его добрымъ качествамъ будетъ казаться пристрастіемъ. Исторія произнесетъ надъ нимъ слишкомъ строгій судъ; но я могу засвидѣтельствовать, что сей госуарь, имѣя всѣ средства къ тому, чтобъ царствовать со славою и быть обожаемому, не пользоваться никогда ни одною минутою благополучія и кончилъ также несчастливо, какъ и жилъ?“.

Но какая исторія? Только та, которая разсматриваетъ историческія явленія русской жизни съ узко-сословной точки зрѣнія.

То вѣрно, что Павелъ былъ несчастливъ въ жизни; какъ и вѣрно то, что многіе современники его не поняли, а историки пока нехотятъ понимать!... Несчастіе Павла Петровича заключалось во первыхъ въ томъ, что желая все видѣть, знать и все дѣлать самъ, онъ забылъ поговорку: „одинъ въ полѣ не воинъ“.

Во вторыхъ, начертавъ демократическую программу своей государственной дѣятельности, онъ приводилъ ее въ исполненіе при сотрудничествѣ тѣхъ лицъ, которые не могли сочувствовать такой программѣ.

Павелъ не умѣлъ выбирать подходящихъ сотрудниковъ, искалъ ихъ тамъ, гдѣ трудно было найти. „Я грущу и горюю о томъ писалъ Растопчинъ въ 1799 г., что великихъ людей найти еще труднѣе, чѣмъ честныхъ женщинъ“. Вотъ каково было тогда времячко! А Павелъ I не имѣлъ мужества своего великаго предка, чтобъ заглянуть въ глубь русской земли и тамъ найти себѣ сподвижниковъ, подобныхъ Меншикову, Курбатову, Толстому, Проконвичу и проч. Вѣдь въ исторіи каждаго народа бываютъ такіе моменты, когда, чтобъ идти впередъ, необходимо освѣжить правящія

сферы: Петръ Великій, прежде всего, тѣмъ былъ и великъ, что хорошо понялъ эту необходимость.

Въ заключеніе обзора отзывовъ о Павлѣ его современниковъ считаемъ не лишнимъ привести взгляды нѣкоторыхъ современниковъ же на причины заговора противъ этого императора. Мы уже знаемъ мнѣніе по этому предмету Наполеона I. Оказывается, что и нѣкоторые русскіе люди сходились съ нимъ во взглядахъ и тоже думали, что ударъ послѣдовалъ отъ англійскаго кабинета. Д. П. Руничъ въ своихъ запискахъ прямо задается вопросомъ о причинахъ преждевременной кончины императора Павла и отвѣчаетъ на него слѣдующимъ разсужденіемъ. „Нельзя утверждать, говорить онъ, что Павелъ дѣйствительно имѣлъ вмѣстѣ съ первымъ консуломъ французской республики намѣреніе напасть на англійскія владѣнія въ Индіи, но этого нельзя также и отрицать; между тѣмъ нѣкоторыя лица, до конца оставшіяся вѣрными Павлу, считаютъ это обстоятельство главною причиною его преждевременной кончины; иные же приписываютъ его смерть исключительно всеобщему озлобленію, вызванному его беспощадной строгостью. Исторіи надлежитъ поднять эту двойную завѣсу и пролить на это обстоятельство истинный свѣтъ. Я ограничусь передачей подробностей, предшествовавшихъ кончинѣ императора Павла, предоставляя читателю свободу остановиться на одномъ изъ этихъ мнѣній“.

„Правда, что императоръ нисколько не умѣрялъ своей строгости касательно военной службы, требуя во всѣхъ отношеніяхъ самой точной исполнительности, точно также, какъ онъ не дѣлалъ ни малѣйшаго снисхожденія гражданскимъ властямъ, когда онѣ дѣйствовали противъ закона или несогласно съ его волею; однако нельзя приписывать ему всѣ несправедливости, которыя дѣлались его именемъ. Самодержавный монархъ, онъ оказывалъ безграничное довѣріе тому, кого онъ считалъ достойнымъ этого довѣрія, на комъ останавливалъ свой выборъ и кого облачалъ неограниченную властью. Это довѣріе породило множество злоупотребленій, но вообще народъ не терпѣлъ притѣсненій; даже солдаты, которые всегда жалуются на самое легкое притѣсненіе, не тяготились суровыми требованіями службы, такъ какъ они получали все, что имъ полагалось, и могли дослужиться до самихъ высшихъ чиновъ, не смотря на свое низкое, плебейское происхожденіе. Торговля была возвышена дарованными ей новыми правами, слѣдовательно, *только одни дворяне могли быть недовольны тѣмъ, что императоръ не*

обращалъ вниманія на ихъ права, оскорбляя ихъ проявленіемъ своей самодержавной власти...“

„Слѣдовательно, всеобщаго неудовольствія, которое могло бы породить заговоръ, не существовало. Онъ могъ возникнуть только за границей или быть дѣломъ партіи недовольныхъ, коихъ поддерживали деньгами изъ заграницы. Это было наиболѣе распространенное мнѣніе въ то время, когда въ обѣихъ столицахъ разнеслась вѣсть о кончинѣ Павла I-го“.

Хотя Руничъ, считая заговоръ противъ Павла дѣломъ заграничнымъ, и не указываетъ прямо на англійскій кабинетъ, какъ на виновника этого заговора, но онъ въ то же время и не оставляетъ читателю никакого сомнѣнія въ этомъ отношеніи: напоминаніе имъ о разрывѣ Россіи съ Англіей и о походѣ въ Индію не имѣетъ въ данномъ случаѣ никакой другой цѣли, кромѣ той, чтобъ показать, что заговоръ противъ русскаго императора составленъ въ интересахъ Англіи.

Особенно интересно мнѣніе по данному предмету Растопчина, стоявшаго тогда во главѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Это былъ человѣкъ образованный, горячій патріотъ и проницательный политикъ; онъ предсказалъ переворотъ во Франціи. Еще за девять дней до 18-го брюмера Растопчинъ въ письмѣ къ С. Воронцову писалъ: „Бонапартъ, котораго хотѣли спровадить изъ Франціи, никогда не рѣшится служить своимъ злодѣямъ и скорѣе произведетъ, можетъ быть, какой-либо переворотъ во Франціи въ пользу королевской власти, либо въ свою собственную“. Подобно своему государю и Растопчинъ подъ вліяніемъ вѣроломной политики Англіи въ 1799 году пришелъ къ убѣжденію, что главною виновницей смутъ на континентѣ Европы была не Франція, а Англія. И въ своихъ письмахъ къ С. Воронцову, и въ политической запискѣ, представленной Павлу, онъ высказываетъ сколько оригинальные, столько же и вѣрные взгляды на тогдашнія смуты въ Европѣ. „Я полагалъ, писалъ Растопчинъ, что отнюдь нельзя довѣряться Сентъ-Джемскому кабинету, который, послѣдовательно, почти уже цѣлое столѣтіе, не щадитъ никакихъ усилій для полного возобладанія на моряхъ и въ настоящее время достигъ того, что война обыкновенно убыточная и продолжаемая даже противъ желанія народа, подъ предлогомъ повидимому благовиднымъ, обогащаетъ Англію захватами и завоеваніями и приводитъ ее къ конечной цѣли ея замысловъ, т. е. къ погубленію Франціи...“ „Англія своею завистью, пронырствомъ и богатствомъ была, есть и пребудетъ

не соперница, но злодѣй Франціи...“ „Всегдашняя цѣль англійскаго министерства, такъ какъ и душевное желаніе всякаго англичанина, будетъ паденіе Франціи...“ Замѣчательно, что и Наполеонъ такими же глазами смотрѣлъ на отношенія Англіи къ Франціи. Будучи уже императоромъ, онъ однажды сказалъ Меттерниху: Господь Богъ нашелъ Францію ужъ очень красивою и потому посадилъ ей шишку; эта шишка—Англія“.

Нужно сдѣлать рѣшительную операцію, уничтожить шишку, слишкомъ безобразившую Францію — вотъ цѣль, которую поставилъ себѣ этотъ гениальнѣйшій гусударственный человѣкъ. Ставши первымъ консуломъ, Наполеонъ съ одной стороны дѣлаетъ громадныя приготовленія въ Шербургѣ съ цѣлію высадки въ Англіи французскихъ войскъ, а съ другой стремится къ союзу съ Россіей. Русскій императоръ Павелъ и глава иностранныхъ дѣлъ Растопчинъ, смотря на Англію, какъ на „шишку“ для всей Европы, охотно шли на встрѣчу заискиваніямъ Бонапарта: общія цѣли естественно вели и къ общему союзу. Въ концѣ 1800 г. Павелъ возобновилъ „морскую конвенцію“, т. е. союзъ между Россіей, Даніей, Пруссіей и Швеціей для обузданія морского деспотизма англичанъ; онъ желалъ также, чтобъ къ этой конвенціи присоединились Франція, Португалія и Сѣв.-америк. Штаты. Кромѣ того Павелъ и Наполеонъ совмѣстно составили планъ нападенія изъ русскихъ азіатскихъ владѣній на Индію, чтобъ выгнать оттуда англичанъ: съ этою цѣлію Россія должна была выставить 30,000 солдатъ и 40,000 казаковъ, а Франція—30,000 солдатъ и дать сумму въ 10,000,000 для покупки верблюдовъ и необходимыхъ вещей. Словомъ Англіи грозила страшная опасность! „Предъ кончиною покойнаго государя, писалъ Растопчинъ, въ 1801 г., Англія находилась въ очень трудномъ положеніи. Ей грозила Франція, у нея отнимались всѣ способы продовольствія и закрывались кораблямъ ея всѣ европейскіе порты, кромѣ береговъ Адріатическаго моря..... Европа находилась въ такомъ положеніи, что имъ можно было отлично воспользоваться для обузданія страшнаго самовластія Англіи. Теперь же (т. е. послѣ смерти Павла и примиренія Россіи съ Англіей при Александрѣ 1) обладаніе Мальтою и господство въ Египтѣ обогатятъ ее сокровищами этой земли, и вмѣстѣ съ Оттоманскою Портою она подчинитъ своему игу всю Левантскую торговлю. Такимъ образомъ она съ лихвою возмѣститъ свои издержки, получитъ еще болѣе возможности возжигать въ Европѣ новыя войны и платить деньгами за людей, которые будутъ гибнуть для ея выгоды“.

Все это мы говоримъ къ тому, чтобъ былъ понятенъ смыслъ ниже приведенныхъ писемъ Растопчина и Кочубея.

Англичане еще въ концѣ 1799 г. чувствовали надвигающуюся на нихъ грозу, а посолъ англійскій Витвортъ даже приходилъ въ ужасъ, замѣтивъ перемѣну отношеній Павла къ Англіи. Въ письмѣ отъ 17 Ноября 1799 г. онъ умолялъ нашего лондонскаго посла С. Воронцова повліять на Растопчина и склонить его въ пользу Англіи: только отъ вашихъ усилій, употребленныхъ на него, мы ожидаемъ спасенія, замѣтилъ Витвортъ.

Но на Растопчина трудно было повліять, въ виду его взглядовъ на политику англійскаго кабинета и въ виду его неподкупности и преданности своему государю. Поэтому англофилы рѣшились употребить всѣ усилія, чтобъ удалить Растопчина отъ дѣлъ.

„Я рѣшился просить государя объ увольненіи, писалъ графъ Растопчинъ Кочубею въ февралѣ 1801 г. Я не въ силахъ долѣе бороться противъ каверзъ и клеветы и оставаться въ обществѣ негодиевъ, которымъ я неугоденъ и которые, видя мою неподкупность, подозрѣваютъ, и не безъ основанія, что я противодѣйствую ихъ видамъ..... *Составилось общество великихъ интригановъ..... во главѣ Палена, которые желаютъ прежде всего раздѣлить между собою мои должности, какъ ризы Христовы и имѣютъ въ виду остаться въ оромыхъ барышахъ, устройвъ англійскія дѣла.* Они видятъ во мнѣ помѣху, между тѣмъ какъ я только исполняю волю моего государя, а эта воля не допускаетъ никакихъ изытаній, и я не скрываю, что продолжая дѣйствовать, какъ до сихъ поръ, будучи до извѣстной степени увѣрены въ Пруссіи, мы можемъ извлечь для себя большія выгоды, упрочить настоящее положеніе Россіи и обезпечить свободу торговли. Но при этомъ не надо думать о своихъ собственныхъ барышахъ, какъ это дѣлаютъ наши господа, отставные и находящіеся на службѣ, и смотрѣть на нынѣшнюю Францію съ точки зрѣнія эмигрантовъ“.

Изъ этого письма видно, что Растопчинъ зналъ, что въ Петербургѣ подъ вліяніемъ англійскаго золота составилось общество интригановъ, имѣвшее цѣлю избавить Англію отъ грозившей ей опасности, но онъ не зналъ только, къ какому ужасному средству оно намѣрено прибѣгнуть для достиженія упомянутой цѣли.

Другой русскій вельможа, Кочубей, принадлежавшій къ англофильской партіи, на основаніи сообщеній Растопчина, въ письмѣ къ С. Воронцову тоже считаетъ несомнѣннымъ, что англичане подкупили петербургскихъ вельможъ. Но какъ англофилъ онъ за-

мѣчаетъ, что какъ-бы то ни было, лишь бы доброе дѣло (т. е. примиреніе Россіи съ Англіей) состоялось. И такъ, пишетъ Кочубей, „я полагаю, что мы съ Англіей будемъ хороши, если только дерзкое предпріятіе англичанъ противъ Даніи не заставитъ насъ взбудоражиться. Впрочемъ еще новыя гиней, или золотые слитки лондонскаго банка поспособствуютъ даже уничтоженію датскаго флота, а это уничтоженіе вознаградитъ англичанъ за издержки *du bakshish или du vodka* нашимъ дѣльцамъ“.

Эти свидѣтельства современниковъ объ участіи англійскаго кабинета въ заговорѣ противъ Павла и о подкупѣ англичанами русскихъ вельможъ раздѣляются и нѣкоторыми изъ нашихъ историковъ. Уважаемый Е. С. Шумигорскій въ своемъ прекраснѣйшемъ очеркѣ изъ исторіи императора Павла „Екатерина Ивановна Нелидова“ на стр. 162 замѣчаетъ, что со времени разрыва Россіи съ Англіей—„англійскія гиней текли обильною рѣкою въ руки Палена и другихъ единомышленниковъ чрезъ пріятельницу Витворта О. А. Жеребцову, сестру Зубовыхъ“. Онъ же приводитъ здѣсь свидѣтельство П. А. Толстого, который „въ мартѣ 1801 г. видѣлъ у Палена цѣлые свертки англійскихъ гиней. Будучи уже въ опалѣ, Палень, играя съ Зубовымъ, разъ поставилъ на карту 200,000 рублей“. Значитъ „бакшишъ“ былъ изрядный! Извѣстный издатель Русскаго Архива П. Бартеневъ въ статьѣ „Записка С. А. Хрулева о походѣ въ Индію“ дѣлаетъ такое замѣчаніе. „Читатели наши знаютъ, что походъ въ Индію при Павлѣ Петровичѣ былъ уже начатъ. Гибель Павла и гибель султана (Абдуль-Азисъ) въ наши дни суть явленія одного значенія“.

Мы же съ своей стороны по поводу столѣтія кончины Павла Петровича можемъ только воскликнуть: миръ праху твоему, честнѣйшій человѣкъ, „рыцарь безъ страха и упрѣка“, „рыцарь временъ протекшихъ“!

---